

Ю.ДУНСКИЙ, В.ФРИД

**СЛУЖИЛИ  
ДВА ТОВАРИЩА**





Юлий Теодорович Дунский и Валерий Семенович Фрид пишут всегда вместе, и биография у них, в сущности, одна. Оба родились в 1922 году, вместе учились в одной из московских школ; в Институт кинематографии поступили тоже вместе.

Работать в кинематографии стали сравнительно поздно. Их первый фильм, «Случай на шахте восемь», появился в 1957 году. К этому времени у обоих за плечами был опыт работы на шахте, в лесной промышленности, на строительстве.

Сейчас на счету у сценаристов одиннадцать поставленных фильмов. Сценарии трех из них — «Ровесник века», «Семь нянек», «Жили-были старик со старухой» — выпущены издательством «Искусство» в серии «Библиотека кинодраматургии». Последний сценарий Ю. Дунского и

Ю.ДУНСКИЙ, В.ФРИД

**СЛУЖИЛИ  
ДВА ТОВАРИЩА**



По звонкой дороге скакал верховой. В том году осень была сухая, холодная. От сухости и холода степь, лежавшая по обе стороны шляха, покрылась паутиной трещин. На краю степи стояло село. Туда и направлялся верховой.

Село это было маленькое и обиженное войной: обгорелый ветряк, церквушка с отбитой головою. Возле ветряка взвод пехотинцев проводил учения.

Бойцы штурмовали колючую проволоку, натянутую в три ряда: кромсали ее садовыми ножницами, рубили лопатами, закидывали сверху соломенными тюфяками, чтобы по ним перелезть на ту сторону.

Верховой подъехал к командиру взвода и спросил, не нагибаясь с седла:

— Боец Некрасов — имеется у тебя такой?

Командир качнул головой — нету.

Всадник понаблюдал немного за пехотинцами, посмотрел, как они дерут и без того никудышные гимнастерки об колючки проволоки.

— Не жалей портков, пехота! — крикнул он поощрительно. Сам верховой одеждой сильно отличался от замурзанных пехотинцев и был доволен этим. Папаху-кубанку он добыл смушковую, галифе — малинового сукна.

Комвзвода стерпел насмешку. У него был свой интерес.

— Слушай, товарищ... Как там насчет наступления? Чего у вас в штабе болтают?

— А у нас в штабе не болтают, — кинул верховой через плечо и пустил коня рысью.

В селе, во всех его мазаных хатках, размещались бойцы 61-й дивизии. На белых каменных заборчиках сушились гимнастерки и нательные рубахи.

Верховой остановился у церковного двора. Там заботливый к людям политработник проводил занятия по ликбезу. Аспидных досок взять было, конечно, неоткуда, бумаги тоже. Ученики — кто с усами, а кто и в бороде — выводили корявые буквы мелом на лопатах.

Всадник придержал коня и спросил:

— Эй, земляки... У вас бойца Некрасова нема?

— Некрасова нету. Пушкин есть! — крикнул боец в лаптях.

— Смотри, какой грамотей, — удивился верховой и сплюнул. — Прямо профессор. И чего это тебя азбуке учат?

— Штабной!.. А штабной! — загадели неграмотные. — Ты скажи там в штабе — наступать пора!

Но штабной не захотел разговаривать и поехал дальше.

Он остановился посреди базарной площади. Площадь была заставлена обозными телегами, тачанками пулеметной команды.

На одной телеге стоял курчавый молодой человек в пенсне и кожаной фуражке. Он вдохновенно декламировал:

«Раз однажды у солдата  
Еремеева Кондрата,  
По невежеству-незнанию  
Не слыхавшего про баню,  
Завелися вши да гниды...»

Бойцы, столпившиеся вокруг телеги, уважительно слушали. Послушал и вестовой из штаба. Потом тронул чье-то плечо нагайкой и тихонько спросил:

— Это кто? Артист?

— Доктор, Семен Маркович... Все сам сочиняет.

— Голова! — одобрил вестовой. — Слушай, тут Некрасова-бойца нету?

— Был, да куры склевали, — сердито сказал кто-то, кому разговор мешал слушать.

Вестовой отъехал. Вслед ему летело:

«Вши бывают головные,  
А бывают платяные —  
Где какая вошь живет,  
То и кличку ту несет!»

Посреди площади стоял венский стул. На нем, широко расставив ноги в латаных сапогах, сидел комполка. Боец-татарин брил ему голову.

— Доброго здоровьичка, товарищ Приходько! — сказал вестовой. — Я бойца Некрасова шукаю... Не знаете такого?

Командир полка сдул с усов мыльную пену и ответил:

— Почему не знаю? Он со второй роты...  
Вон он, у колодца.

Вестовой глянул, но мало что увидел. Боец Некрасов нагнулся в колодец так глубоко, что наружу торчала только его казенная часть, обтянутая самодельными штанами из мешковины.

Подъехав поближе, вестовой прочитал на мешковине, на самом неподходящем месте: «и сынъ». (Отец, глава фирмы, достался, видимо, владельцу других штанов.)

— Некрасов! — сказал штанам вестовой. Из колодца гулко раздалось:

— Ну что?

— Сей минут отправляйся в штаб дивизии. Начдив тебя требует.

Недалеко от колодца дымила полевая кухня. Повар, услышав про штаб, насторожился.

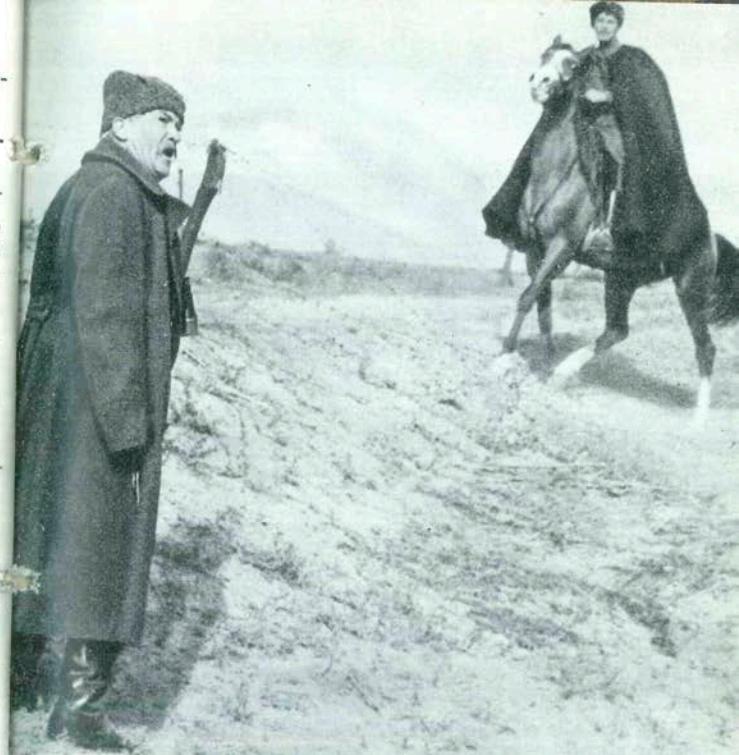
— А я его не пущу! Нехай он мою ведерку поймает... Он ведерку упустил!

— Ты не командовай... Ишь, наел пузо, толстобрюх! — сказал вестовой злобно и несправедливо, потому что повар был не толстый, скорее, даже худой. Но это уж так с покон веков полагалось — попрекать поваров толстым пузом.

Боец Некрасов разогнулся. Был он очень большой, даже сутулился от своего высокого роста. Он положил багор, которым думал выудить ведерко, и осторожно спросил у вестового:

— А зачем в штаб?

— Там скажут. Давай быстро.



Лошадь вестового перебирала тонкими ногами, тянула морду к колодцу, откуда пахло водой. Повар вздохнул и подобрал багор.

— В штаб так в штаб... А чего там про наступление слыхать? Скоро?

— Покамест неизвестно.

— Это тебе неизвестно, — ехидно сказал повар. — А им, кто повыше, — очень хорошо известно...



## ПОЛЕВОЙ ШТАБ ДИВИЗИИ.

4 НОЯБРЯ 1920 ГОДА

### Карта Украины и Крыма.

— Дорогие товарищи! — слышится хрипловатый голос. — Вот вы смотрите на карту — и смотреть вам на нее одно удовольствие. Всю Россию мы очистили от белой заразы, и осталась эта зараза только в одном Крыму. А что такое Крым во всероссийском масштабе? Так, кое-что, пупочка. Вот я ее ладошкой прихлопнул — и нет ее на виду... Но так может рассуждать совсем глупый дурак. А мы с вами оценим боевую обстановку с умной точки зрения!..

Около карты стоял начдив. Комната была полна военных — в кожаных тужурках, во френчах, в гимнастерках.

— И вы, товарищи политработники, — продолжал начдив, — должны вникнуть сами и довести до каждого бойца... Крым является последним оплотом для белых гадов. Мы их туда со всей России согнали — офицерья невпроворот, погон к погону стоят. Цельные полки из одних офицеров... И драться они будут озверело, имея против нас броневики, аэропланы и артиллерию всякого калибра... Вы меня спросите: зачем же нам переть против броневиков и артиллерии? Раз они все равно заперты в Крыму и не высовываются... Отвечаю: потому что они могут высунуться в любой момент, а их кусочнее жаломы все, конечно, помним... Между прочим, Брангель ведет спешные переговоры с Англией и Францией и если успеет заключить согласие о полной военной помощи, то наше дело будет швах. Но мы этого не смеем допу-

стить. Вся советская Россия стоит у нас за спиной и просит раздавить этот змеючник... Теперь вы меня спросите, а как нам его раздавить, если Крым укреплен неприступно? Тут тебе Турецкий вал, тут Сивашские болота — всюду рвы, стены, колючая проволока, всюду сплошь пушки и пулеметы... Могу ответить: не знаю как, но только Крым будет наш. Потому что душа не может больше терпеть. Надо кончать войну и начинать мирную жизнь, которую все ждут, но никак не дождутся... И это будет радость и полная победа революции!..

Когда начдив говорил про мирную жизнь, в комнату протиснулся ординарец. Он дождался передышки и доложил:

— Товарищ начдив, к вам боец Некрасов. Который по срочному вызову.

— Пускай подождет, — сказал начдив.

Боец Некрасов прохаживался взад-вперед у входа в штаб. Помещался штаб в доме богатого колониста — полутораэтажном, крытом черепицей.

В своем ожидании Некрасов размышлял, вернется ли весною аист в лохматое гнездо над крышей, к чему здесь, у штаба, стоит полевое орудие и зачем его, незаметного бойца Некрасова, потребовали к начальству. Размышляя, он напевал себе под нос довольно бессмысленную песенку:

— Служили два товарища... ага...

Служили два товарища... ага...

Служили два товарища в одном и тем полке...



На лавочке возле крыльца сидели рядом три кавалериста и лузгали тыквенные семечки. Были они, наверное, ординарцы или вестовые — балованный народ.

— «и сынъ»... — прочитал один из них на штанах Некрасова. — Эх, землячок, мало ты написал на своих галифях!..

— У него сиделка широкая, — сказал другой. — Туда всех можно напечатать: и сына, и отца, и святого духа.

Некрасов к таким шуткам давно привык и продолжал гулять своей дорожкой. Третий

кавалерист — человек, видимо, злой и самолюбивый — крикнул:

— Ты отвечай, когда к тебе разговаривают! А то сдерем твои расписные — и ходи, свети кормой!

Некрасов опять ничего не сказал. Тогда третий кавалерист, будто не нарочно, сунул ему в ноги конец шашки. Некрасов споткнулся, но устоял. По-прежнему молча он протянул длинную руку и сорвал с кавалериста фуражку.

Затем нагнулся к станине пушки, приподнял ее плечом и сунул фуражку под колесо.

— Ах, зараза! — закричал кавалерист и вскочил драться. Но тут с крыльца строго позвали:

— Некрасов! К начдиву. По-быстрому!

Некрасов без торопливости двинулся к дверям.

Кавалерист погрозил его спине кулаком и пошел выручать свою фуражку. Но, как он ни тужился, приподнять пушку не смог. На подмогу пришел второй кавалерист, но пушка все равно не поддавалась. Только втроем они исхитрились стронуть ее и достать фуражку.

— Здоров бугай! — сказал, переводя дух, один из кавалеристов. И все трое уважительно поглядели на дверь, за которой скрылся Некрасов.

Совещание политработников кончилось. Теперь кроме начдива в комнате были только Некрасов и еще один военный в летах — начальник штаба дивизии.

— Точно, — сказал начдив, глядя в какую-то бумажку. — Некрасов Андрей Филиппович. Все сходится... Да ты садись, Некрасов.

Андрей сел, удивляясь неожиданному почету. Начдив между тем говорил:

— Вот, черти, надышили!.. И махорка у них злая, хуже иприта... А я табак вообще презираю. — Он смущенно улыбнулся и постучал себя пальцем по груди. — Силикоз у меня... Но это присказка, а сказка вот какая: ты ведь в мирное время был фотограф?

— Так точно.

— Это хорошо. Это прямо замечательно. Сейчас мы тебя приладим к твоему родному делу... Трофимов! — крикнул он в сторону закрытой двери. — Волоки эту дуру сюда!

Дверь распахнулась, и ординарец внес в комнату глазастый и ушастый аппарат на трехногом штативе.

— Во!.. Боевой трофей, — объяснил начдив и закашлялся. А начштаба поднял голову от своих важных бумаг, чтобы добавить:

— Камера «Пате» и к ней пленка, две тысячи футов.

— Так это же для киносъемки, — разочарованно сказал Андрей.

А начдив продолжал радоваться:

— То-то и оно! Будет у нас теперь своя киносъемка... А тебя назначаю съемщиком.

— Не могу, товарищ начдив, — сказал Андрей в смущении. — Тут нужен специалист. Я с этой аппаратурой не знаком, у меня другая профессия...

Начдив перестал улыбаться. На скулах у него обозначились красные пятаки.



— Вот ты как заговорил!.. А у меня какая профессия? Я что, всю жизнь дивизией командовал?.. Я вот кем командовал! — Он выставил перед Андреем две тяжелые ладони.— Да к ним кайло. Вот и вся аппаратура!.. Что это за не могу?! Я таких людей не люблю. Сказано тебе быть съемщиком — значит, будешь! И кругом марш!

Андрей не первый день служил в армии. Спорить с начальством он не стал, а вытянулся и гаркнул:

— Есть!

Тогда начав смягчился.

— Чудила-крокодила... Кино — это ж большое дело, кино! «В лохмотьях сердце», «Сказка любви роковой»... Сидиши-обмира-

ешь! Или возьми видовые: «Приезд Пуанкаре в Алжирию», «Коронация короля Георга»...

Он перегнулся к Андрею и сказал хитро, как сообщнику:

— Но мы с тобой будем снимать совсем другое... У меня какая идея? Заснять наших красных героев, ихнюю революционную доблесть и славу!..

Начштаба слушал эту речь с плохо скрытым нетерпением. У него тоже были идеи.

— Меня это предприятие интересует в чисто военном аспекте,— сказал он, едва начав закрыл рот.— Вы, товарищ, наладите мне воздушную разведку. В связи с предстоящим наступлением... Будете снимать с аэроплана перекопские укрепления белых. Ясно?

Седые усыки у начштаба торопились, два верхних зуба торчали вперед, и был он похож на злую умную крысу. Андрей покосился на него и осторожно ответил:

— Постараюсь.

— Да, вы уж постарайтесь,— попросил начштаба своим интеллигентным голосом.— А то ведь пойдете под трибунал.

Некрасов неприязненно поглядел на растопырившийся посреди комнаты аппарат и стал свинчивать камеру со штатива.

СЕВАСТОПОЛЬ. 4 НОЯБРЯ 1920 ГОДА

В севастопольских ресторанах пили и шумели, пожалуй, больше, чем в мирное время. Ели, правда, поменьше. При гостинице «Париж» тоже был ресторанчик, и на зеркальных его стеклах многократно повторялось в

золоте название гостиницы. Только изнутри оно читалось по-другому: «ЖИРАП».

За столиками сидели офицеры и штатские — офицеры с офицерами, штатские со штатскими.

— Почему на бочке с порохом? — говорили за одним столиком. — Генерал Врангель гарантирует, что в ближайшие двадцать лет Крым они не возьмут!

— Эка хватил — двадцать лет... Ну год, ну два, ну три...

За другим столиком офицер жаловался товарищу:

— Пара сапог — восемьдесят тысяч, портупея — двадцать тысяч. Гимнастерка, дерьмо — тридцать тысяч. Откуда я возьму? У меня фамильных брильянтов нету...

Неподалеку, под зелеными перьями пальмы, сидели два пожилых респектабельно одетых господина. Один из них, совсем лысый, волнуясь, говорил:

— Я это слышал от самого Василия Витальевича... Будем действовать на манер крымского хана. Перекоп неприступен. Отсидимся пока за крепостным валом, а там, глядишь, и набеги станем делать на Красную Русь!..

Собеседник, с сумочками под умными глазами, слушал, вертя в пальцах незажженную черную сигару.

Сзади к нему подошел молоденький прaporщик, пьяный до полного неприличия, с маленьким пистолетом в руке.

— Руки вверх! — гаркнул прaporщик.

Штатские вздрогнули; разговор сломался на полуслове.



Пистолет прaporщика на самом деле был зажигалкой, сделанной в виде браунига. Но сидевшие за столиком этого не знали.

А прaporщик щелкнул зажигалкой, вызвав к жизни желтый огонек, и сказал:

— Прошу!

Господин с сигарой брезгливо отодвинулся.

— Идите... Идите спать, молодой человек.

Прaporщик, не обидевшись, отошел.

— Да, так я говорю... Будем набеги делать, — продолжал свою мысль лысый. — За хлебом, за углем, за пленниками, наконец!

— Набеги, набеги, — разозлился господин с сигарой, и сумочки под его глазами задрожали.

жали.— Хватит, набегались!.. За Перекоп нам и носу казать не надо. А надо бы тут, в Крыму, разить земледелие, коммерцию... Показать наглядно: вон у большевиков мужик с голоду пухнет, а у нас благоденствует. Смотри, Россия, и выбирай!..

Прапорщик между тем успел пугнуть своей игрушкой еще кого-то из ресторанных посетителей и теперь вернулся к столику, где решались судьбы России.

— Руки вверх! — приказал прапорщик, забыв, что этих двух уже пугал.

Лысый вышел из себя.

— Ну что это, господи! Уберите же его. Это омерзительно!

На прапорщика закричали с других столов:

— Лукашевич!.. Хватит тебе!.. Надоел!

— А где Брусенцов?... — вспомнил вдруг прапорщик.— Где мой Саша Брусенцов?

— Вот это правильно. Иди к нему... Он у себя в номере.

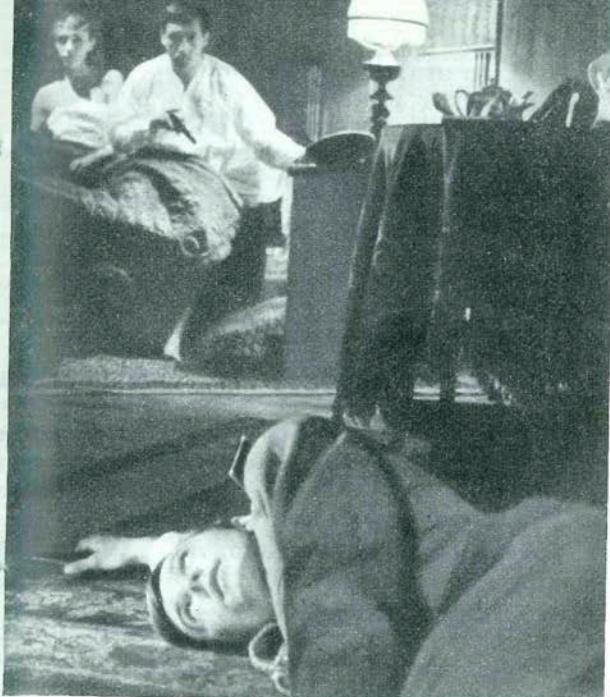
Прапорщик Лукашевич, ушибаясь о стены, пошел к выходу. Официант распахнул двери и выпустил его в вестибюль гостиницы.

Пройдя по темному гостиничному коридору, прапорщик отыскал нужный ему номер. Нацелившись зажигалкой, он толкнул ногой дверь и скомандовал:

— Руки вверх!

В ответ из темной комнаты ударило узкое пламя, грохнул выстрел. Прапорщик постоял секунду и упал головой вперед...

В номере зажегся свет. На кровати у стены сидел голый до пояса человек с пистолетом «манлихер» в руке. Рядом с ним лежала,



зарывшись лицом в подушку, женщина. Видны были только спутанные длинные волосы.

Человек поглядел на того, кого только что застрелил, увидел погоны на узеньких плечах, светлый стриженый затылок и растерянно сказал:

— Так... Очень мило.

Из коридора слышалось хлопанье дверей, быстрый топот каблуков — соседи бежали узнать, в чем дело. Маленький номер сразу заполнился людьми, по большей части офицерами.

— Кого это?.. Что случилось? — спрашивали они друг у друга.

Стрелявший объяснил:

— Это Сережка Лукашевич... Я в темноте не узнал.

В номер торопливо вошел загорелый племистый полковник. За ним шла девушка — сестра милосердия.

— Поручик Брусенцов! Что здесь происходит? — недовольно спросил полковник. — Кто стрелял?

Брусенцов встал было с постели, потянув за собой простыню, которой прикрывался. Но простыня была одна на двоих. Ойкнув, женщина рванула ее на себя, и Брусенцову пришлось снова сесть. Так, сидя, он и отвечал полковнику:

— Стрелял, естественно, я... — Он со злобой поглядел на тяжелый австрийский пистолет. — В комнату кто-то ворвался и заорал: руки вверх!.. А у меня под подушкой пистолет. Я и выстрелил... А это, оказывается, Лукашевич, адъютант Миронова... Что, зачем — понять не могу!..

— Попрошу имя и фамилию вашей дамы, — сказал полковник.

Брусенцов, несколько смущившись, повернулся к женщине:

— Как тебя зовут?

Та подняла на полковника испуганные глаза.

— Ксана... Нестеренко Ксения.

— Вы подтверждаете слова поручика?

— Да. Все так точно и было, как они рассказали. Тот с револьвером зайдет, а они...

— Да не револьвер это, — с досадой перебил кто-то из офицеров. — Зажигалка... Он пошутить хотел.

— Вот и пошутил, — сухо сказал полковник. И велел женщине: — Одевайся и можешь идти... А вам, поручик, тоже советую одеться. И, пожалуйста, сдайте мне оружие. Вы под домашним арестом.

Брусенцов молча отдал полковнику пистолет.

Сестра за это время успела с помощью двух офицеров перевернуть Лукашевича на спину и расстегнуть на нем китель. Теперь она поднялась с колен и сказала:

— По-моему, он умер... Пульса нет.

Никто не перекрестился, не снял фуражку — как-то обстановка не располагала.

— Сестра, — попросил полковник. — Может быть, вы побудете с ним? До прихода врача?

Сестра покорно кивнула.

...Прапорщик лежал уже не на полу, а на постели Брусенцова. Рядом сидела сестра милосердия. Сам Брусенцов, в английском френче и бриджах, шагал по комнате, скрипя сапогами. Больше в номере никого не было.

— Ну что вы на меня смотрите, как... как сова из дупла, — раздраженно сказал Брусенцов. Сестра, действительно, смотрела на него с непониманием и страхом. — Молчим?.. Понятно. Убить мерзавца презрением.

Тогда сестра отвела глаза и сказала:

— Может быть, вы уйдете? Вы уже свое сделали.



— Куда это я уйду? Я здесь под домашним арестом... Мой дом — моя крепость.

— Такие люди, как вы... — сказала сестра дрожащим голосом, — опозорили белое дело... Из-за таких нас ненавидят.

Поручик поглядел на ее милое расстроенное лицо и буркнул:

— Много вы понимаете...

Он, видимо, хотел этим ограничиться, но не выдержал и заговорил снова:

— Да, по-идиотски убил приятеля... Так ведь время идиотское!.. Все с ума посходили! — Он вдруг усмехнулся. — И вы тоже сумасшедшая. Тут покойник лежит, вам бы плакать или молиться, а вы про белое дело рассуждаете... Ну что ж, очень мило. Давайте про белое дело...

Брусенцов поглядел на нее опять, и она в первый раз заметила, что глаза у поручика серо-синие, цвета сабельной стали.

— А вы знаете, — сказал он, — что через месяц ни вас, ни меня и вообще никого из наших тут не будет?.. Против нас стотысячная армия. Сто тысяч голодных и злых пролетариев. Да они эти неприступные укрепления зубами прогрызут!..

Сестра подняла к лицу дрожащую ладонь, будто загораживаясь от Брусенцова.

— Какой вы все-таки скверный человек... Вы боитесь — и вам надо, чтобы все боялись. Чтобы потеряли надежду... Зачем? Что я вам сделала?

— Всё мне? Ничего.

Поручик взял из вазы на подоконнике виноградинку, положил в рот. Потом спохватали и переставил вазу поближе к сестре.

— Ешьте виноград.

Она молча отпихнула вазу. Но Брусенцов, занятый своими мыслями, даже не заметил этого.

— Люди готовы поверить в любую чушь. Только правде никто не верит... У вас у всех одна надежда — Крым. Отберут его, и куда вы денетесь?.. Господа офицеры пойдут в дворники, дамы — на панель... Присутствующие исключаются.

Дверь распахнулась, и вошел офицер, тоже поручик, в черкеске. За ним шли двоих солдат. Офицер поклонился сестре, а Брусянцову сказал:

— Саша, поздравляю. Ты под следствием. Он глянул на покойника и сочувственно пощекал языком.

— Жалко, жалко мальчишку... А?.. В цвете лет... Ну, пошли.

Брусянцов взял с вешалки шинель и плавевую сумку. Потом попросил поручика:

— У вас на конюшне стоит мой Абрек. Скажи Петренке, чтоб смотрел за ним. И пускай проезжает каждый день.

— Слушаю и повинуюсь... Гляди, что меня есть. Улыбка Антанты.

Поручик в черкеске показал на свои газыри. В них были напиханы сигары. Одна штуку он вытянул и предложил Брусянцову:

— Бери... На губе пригодится.

Сестра спросила:

— Простите, а где же доктор?

Офицер не знал, но галантно ответил:

— Мадемуазель, он будет с минуты в минуту.

Уже в дверях Брусянцов остановился.

— Да! Еще одно дело... Милосердная сестрица, где я вас найду? По какому адресу? Мы с вами не доспорили.

Сестра закусила губу и промолчала.

— Нет уж, вы ответьте. А то ведь я ийду. — Брусянцов уселся на стул посередине комнаты. — Будет грандиозный скандал.

— Будет, — с готовностью подтвердил поручик в черкеске. — Он не пойдет, нижни



чины откроют огонь... К чему лишние жертвы?

— Хорошо,— сказала сестра и почему-то улыбнулась.— Я живу на Корабельной улице. Адмиральский переулок, крайний дом.

— Не знаю, но отыщу.

И Брусенцов двинулся к двери.

## ДЕРЕВНЯ ЖУКОВКА.

5 ноября 1920 года

Аэродром красной авиации размещался на выпасах за деревней. Самолетов было три, вернее, два с половиной: один — бескрылый, как кузнечик,— находился на ремонте.

Андрей Некрасов стоял возле этого самолета и с грустным интересом смотрел, как в отдалении, за летным полем, авиаторы хоронят товарища.

На могильный холмик водрузили пропеллер, командир сказал какие-то неслышные Некрасову слова. Пятеро летчиков вынули револьверы, выстрелили в воздух — и в это время плечо Некрасова тронула чья-то рука.

Андрей обернулся и увидел незнакомого человека — щуплого, в кавалерийской шинели чуть не до пяток.

— Здоров! — сказал человек.— Ты, что ли, съемщик?

— Ну я. А вы кто?

Человек в шинели не понял, к кому относится это «вы», и даже оглянулся через плечо, не стоит ли кто сзади. Потом сообразил и улыбнулся.

— Я-то? Калякин я, Иван Трофимович, сын собственных родителей. Прислан тебе

на подмогу.— Он поправил на боку наган.— Охранять тебя и вообще для компании...— Тут Калякин замялся и, поскольку был человек честный, добавил: — Ну, и если что подсобить, таскать тяжести твои — это тоже можно. Есть такое распоряжение... Так что давай дружиться.

Он протянул Андрею руку, и тот с удовольствием пожал ее: иметь помощника было хорошо. Калякин поглядел на могилку, возле которой все еще толпились летчики.

— Это чего? — осведомился он.

Андрей объяснил:

— Авиатора хоронят.

— Не нашего? С которым лететь?..

— Да нет,— усмехнулся Некрасов.— Наш пока живой.

Тогда Калякин обратил свое беспокойное внимание на имущество Андрея — зачехленную камеру, штатив, железный сундучок с плёнкой.

— Это все наше?.. Сила! — одобрил он.— Я всякую такую механику уважаю. Я ведь сам механический человек. Жестянщик, рабочая косточка... А ты из каких?

— Вот происхождение у меня того... Я как бы попович, — сказал Андрей, смущенно улыбнувшись.— Меня дядька воспитал, священник...

Сказал — и тут же пожалел о своей откровенности. Лицо у Калякина сделалось нехорошее, злое.

— Поп воспитал? А зачем же ты в Красной Армии очутился?.. Мобилизованный?

— Доброволец, — хмуро ответил Андрей.— Бывают такие чудеса: попович за



красных, мужик за Брангеля... А известно тебе, например, что товарищ Ленин из двора?

На лбу у Карякина надулись кровью жилы.

— Ты... Ты товарища Ленина не погань! — сказал он свистящим голосом. — Я тебя за такие разговоры...

И пальцы его цапнули воздух около кобуры. Андрей смотрел на него с огорчением. Карякин перевел дух и продолжал уже спокойнее:

— Поимей в виду, Некрасов. Я был комроты, а теперь разжалован в рядовые бойцы. Потому что гада-военспеца, полковника бывшего, застрелил вот этой своей рукой...

Некрасов поглядел на эту его руку — жесткую, с короткими плашками пальцев. А Карякин закончил:

— У меня на врагов революции глаз очень зоркий... Ты понял, к чему это я?

— Понял, понял, — сказал Андрей. — У косого Егорки глазшибко зоркий. Одна беда — глядит не туда.

На это Карякин не посчитал нужным ответить, только сплюнул под ноги.

— Цоб! Цоб!.. Цобе! — прокричал мальчишеский голос. Из-за амбара, где были мастерские аэродрома, вывернулась пара волов. Они тянули за собой биплан — латаный-перелатанный, как старый ботинок. Волами управлял расторопный подросток, а бипланом — летчик в кожаном шлеме и очках консервах, сдвинутых на лоб.

Посреди поля аэроплан остановился. Подросток выпряг и увел волов, а летчик

осторожно выбрался из кабины и, хрустя кожаными доспехами, пошел к Некрасову. Все на нем было кожаное, даже брюки. А на кожаной груди, будто амулет, болтался альтиметр.

— Вы со мной летите? — спросил автор. — Полезайте... Только аккуратненько.

Карякин подхватил в одну руку аппарат, в другую штатив и весело осведомился:

— Где садиться-то? Назади?

Летчик с недоумением посмотрел на Андрея. Тот неохотно объяснил:

— Это мой помощник.

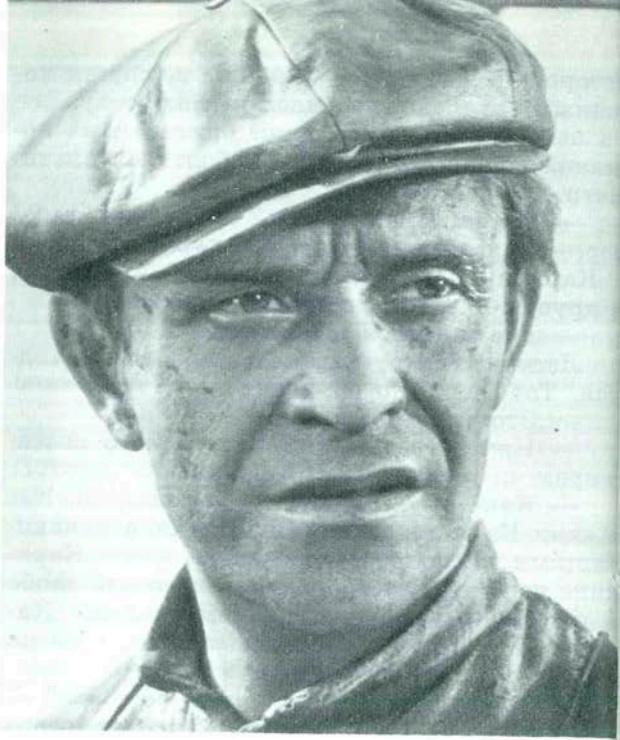
— Ничего не выйдет. Беру одного пассажира.

— Как это — одного? Обое полетим! — заявил Карякин и уперся в летчика ненавидящими глазами. Надо сказать, что в Карякине перемены от добродушия к лютой злобе и наоборот происходили моментально. Каких-нибудь промежуточных состояний он не знал.

— Тебе известно, что он за человек? — продолжал Карякин. — Нет?.. Так вот, я его в сортир одного не отпущу, не то что к белым летать!

И, считая вопрос решенным, Карякин полез в кабину.

Рыча и содрогаясь, «хэвилэнд» двигался по небу. Некрасов и Карякин сидели, тесно прижавшись друг к другу, на неудобной скамеечке позади пилота. Оба летели первый раз в жизни, и лица у обоих были уже не земные — застывшие и блаженные.



Над ними висели пышные, как оладушки, облака, а внизу лоскутным одеялом лежала местность, которую следовало заснять на плёнку.

Летчик обернулся и что-то крикнул, но что именно — услышать было нельзя из-за шума мотора. Тогда летчик раздраженно ткнул вниз пальцем и заорал изо всех сил:

— Стрелы! Кидайте стрелы!

Внизу по дороге ползла серая гусеница — колонна врангелевских пехотинцев.

Карякин первым понял, о чём кричал пилот. На полу кабины лежала груда железных авиационных стрел. Карякин стал кидать их за борт. Они уходили вниз с неприятным свистом.

Что-то вдруг изменилось в шуме мотора — то ли он стал громче, то ли его повторяло эхо. Некрасов, который все время смотрел вниз, теперь заметил, что от их самолёта по земле бежит не одна, а две тени. Он огляделся и увидел другой аэроплан, который шёл чуть ниже, догоняя их. На плечах пилота поблескивали погоны.

Белый летчик грозил красному кулаком и орал что-то — наверное, ругал за стрелы. Но сделать он ничего не мог, потому что тоже был наблюдателем и его «сопвич» не имел пулемёта.

Карякин выругался в ответ, достал из кобуры револьвер и выпустил по «сопвичу» шесть патронов — весь барабан. Но чужой летчик показал ему кожаный кукиш и повернулся в сторону...

...Теперь «хэвилэнд» летел над Перекопским перешейком. Каменистая земля была иссечена траншеями, опутана колючей проволокой.

Летчик снова обернулся и снова сказал что-то, ткнув рукавицей вниз. Андрей не слышал, но понял: это и есть знаменитые перекопские укрепления.

Под левым крылом аэроплана плескалась веселая голубая вода Перекопского залива. Направо, на востоке, тоже была вода — зелёная, неподвижная: Гнилое море, Сиваш. А от воды до воды вздыбился Турецкий вал,

своими каменными плечами заслоняя вход в Крым.

Надо было начинать съемку. Андрей поднял с колен неуклюжую камеру и приладил ее на фанерном борту. Сжавшись в кулаков на своей четверти скамейки, Калякин смотрел на его действия с уважением.

Некрасов, приникнув глазом к видоискателю, оперся обоими локтями о борт. Раздался сухой треск. Кусок борта оторвался и, трепыхаясь, улетел вниз.

Летчик кричал что-то со своего места; Калякин ухватил Андрея за пояс и тянул к себе; а сам Андрей, свесившись за искореженный борт, мерно крутил ручку своего «Пате».

Внизу, на валу, засуетились серые фигуры, застремотали пулеметы. В нескольких метрах орудия задрали кверху свои хоботы: это их переводили с полевой на зенитную стрельбу.

Андрей перестал снимать и повернулся к летчику взмокшее от напряжения лицо.

— Ниже! — крикнул он кожаной спине.— Ниже!

Летчик с сомнением покачал головой, но все-таки повел машину на снижение. А в воздухе уже вырастали один за одним белые одуванчики. Это рвались фугасные снаряды: пушки Турецкого вала открыли по самолету огонь.

Закостеневшей рукой Андрей держал на весу тяжеленную камеру и снимал, снимал не переставая.

Глаза у него налились кровью, горячий пот тек по щекам.

— Еще ниже! — заорал он. И Калякин, бледный от волнения, азартно поддержал: — Даешь!..

Теперь легко можно было разглядеть каждое пулеметное гнездо, каждый блиндаж, каждую пушку за брустверами. И все это ухало, грохотало, плевалось огнем в маленький утлыи самолет.

«Хэвилэнд» снова начал карабкаться на верх: узкий перешеек кончился, под ними был Сиваш. Снимать стало нечего.

Андрей с облегчением откинулся назад, опустил камеру на колени и сказал, утирая лицо рукавом:

— Кончен бал.

Самолет теперь шел ровно, даже не вздрагивал.

— И у меня кончен бал,— сказал пилот.— Мотор заглох.

Только тогда Андрей сообразил, почему они с пилотом так хорошо слышат друг друга, секунды две назад наступила тишина. То есть пальба, конечно, по-прежнему была слышна, но мотор «хэвилэнда» молчал.

— Ты давай чини! — забеспокоился Калякин.— Чего сидишь, как барин?

Авиатор сказал не ему, а, скорее, подумал вслух:

— Попробуем тянуть через Сиваш. У белых я не сяду... Вам-то что, вас просто поставят к стенке. А меня живым в землю закопают.

— За что такой почет? — спросил Андрей. Этот спокойный человек ему нравился.

— Бывший штабс-капитан. Они этого не любят.

...Под брюхом «хэвилэнда» лениво шевелился Сиваш. Калякин с Некрасовым сидели притихшие.

— Ты плавать можешь? — спросил Калякин. Андрей кивнул. — А я как топор без топорища... Или, может, дотянем?

Последний вопрос был обращен к летчику, но тот не ответил: впереди совсем близко был берег.

Аэроплан чиркнул по воде колесами. Калякина и Андрея сильно тряхнуло. Через секунду «хэвилэнд», подрагивая, уже бежал по засохшей твердой грязи. И вдруг перед глазами летчика вырос черный треугольник. Раздался скрежет, треск проломленной фанеры. Самолет остановился, уткнувшись головой в землю и задрав к небу хвост.

Какой-то рыбак бросил здесь на берегу свою лодку; ее засосало в ил, и только острый нос торчал наружу. На него и напоролся «хэвилэнд»...

Андрей и Калякин отстегнули ремень и вывалились на землю. А летчик остался сидеть в кабине, уронив руки и уткнувшись лицом в целлулоидный козырек.

Андрей, когда поднялся на ноги, первым делом стал осматривать камеру — не повредилась ли.

— Некрасов! — окликнул его Калякин. — Гляди, чего получилось...

Некрасов глянул и увидел, что пилот там и сидит, застыв в своей странной позе.

— Отлетался штабс-капитан, — огорченно сказал Калякин.

Действительно, их товарищ был мертв. Когда аэроплан встал на попа, летчика кину-



ло на рукоятку управления, и она проткнула ему грудь под самым сердцем.

Андрей стянул с головы картуз, хотел что-то сказать и не успел. Неподалеку хлопнул выстрел, за ним другой. Калякин и Некрасов, не сговариваясь, упали на землю, а потом уже подняли головы поглядеть, кто и зачем стреляет.

Прямо на них летел конный разъезд — человек шесть или семь.

— Без погона! — радостно выдохнул Калякин. — Наши!

Действительно, всадники были без погона и одеты пестро: впереди, например, скакал толстый усатый человек в расстегнутом полушубке. Он бешено вертел в воздухе голой шашкой.

— Свои! Свои! — закричал ему Карякин, успокаивая.

— Свои по спине ползают, — ответил усатый и осадил коня. — Кажи документ.

— Вот документов, товарищ, у нас при себе нет, — объяснил Некрасов. — Мы красные бойцы, летали, делали разведку.

Конные тем временем окружили их так тесно, что лошади дышали Андрею и Карякину в затылок. Чернявый паренек, спешившись, выдернул у Карякина из кобуры наган, отобрал у Некрасова камеру и на всякий случай похлопал его по карманам га-лифе.

— Интересные вы птахи, — сказал усатый. — Сами красные, а прилетели от белых. Лучше расскажите добром — кто вы за люди?

— Говорят тебе, разведку делали! — завизжал вдруг Карякин. — Нечего языком болтать! Ты нас обязан предоставить в штаб!

— Это точно. Это золотые слова, — согласился усатый. — Заарештуйте их, хлопцы! Тут уже возмутился и Андрей.

— Как это — арестуйте? Вы кто такие? Усатый подбоченился.

— Мы повстанческая армия... Защитники угнетенного селянства. Понял, кто мы такие?.. И вас арестовали, как видимых шпионов. Вы не белых, вы нашу силу вызнать хотели!..

— Повстанческая... Сказали бы просто: махновцы... Похоже, что они нас шлепнут, — говорил Андрей Карякину. Они сидели под

арестом в пустой кладовке на застеленном соломой полу. Под самым потолком было маленькое, в две ладони, окошко.

— Как такое шлепнут? — не соглашался Карякин. — Не могут они шлепнуть... Батько Махно теперь союзник. Нам приказ читали!

— Тебе читали, а ему, может, не читали, — мрачно сострил Андрей. — В общем, нам с тобой амба. Даже не сомневайся.

Карякин встревожился. Он вскочил, побегал по комнате, потом стал барабанить в дверь.

— Часовой! Эй, часовой!

Дверь слегка приоткрылась. Часовой — небритый дядька с сонными глазами — лязгнул затвором карабина и сказал:

— Ну, что вы стучите? Що вы беспокоитесь?

— Отвечай, по какому такому праву нас тут держат! Мы, ядрена шишка, союзники или нет?

— Может, союзники, — ответил часовой и задумался. — А може, и нет.

— Вот тебе на! Как же это так?

— А так, что большевикам веры немае... Вы революцию продали.

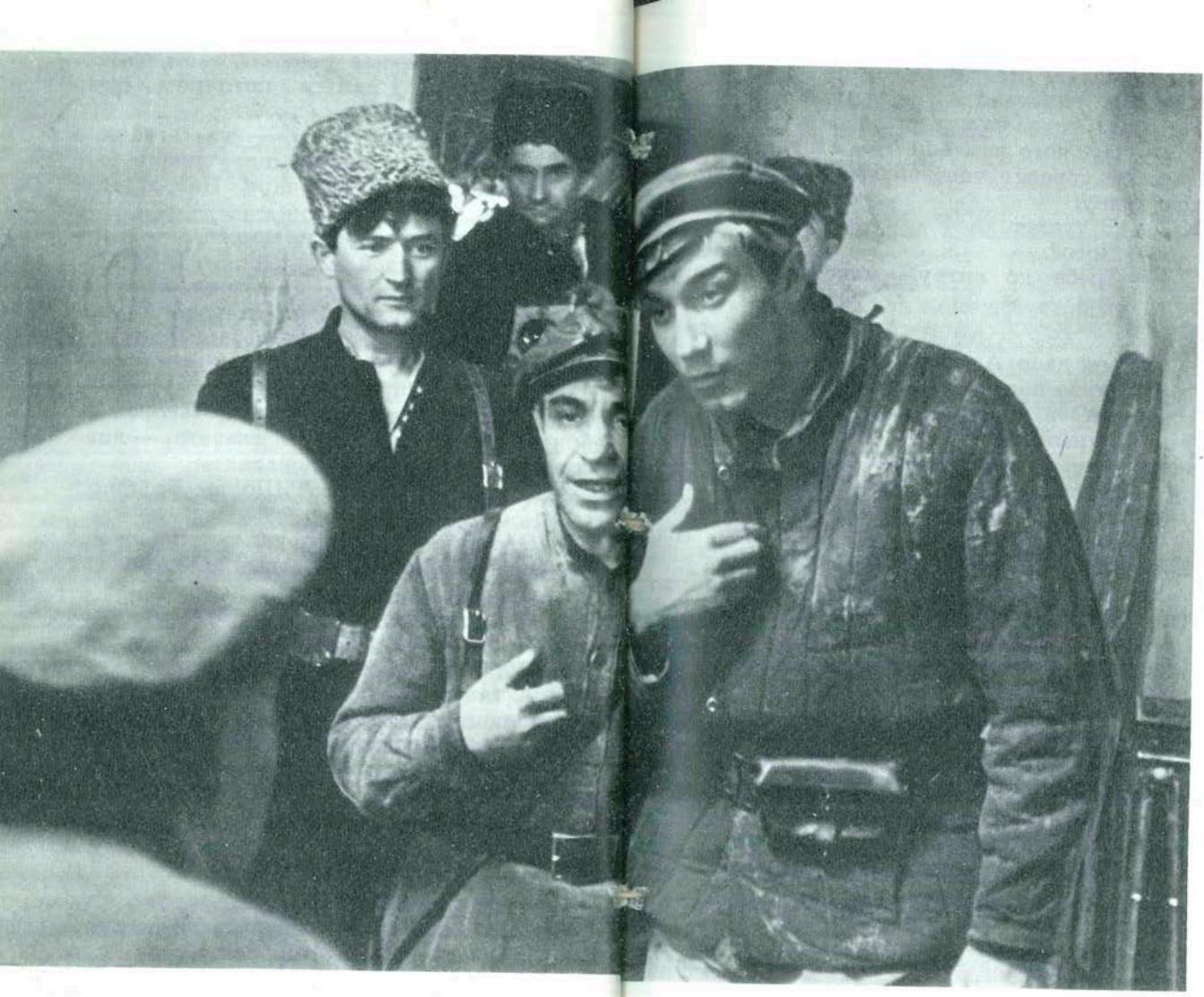
Карякин взбесился.

— Дуролом ты! Дубина стоеросовая!.. Кому это мы ее продали? Ну, кому?

— А кто ж его знает, — сказал часовой и опять задумался. — Кому нужна, тому и продали.

И часовой захлопнул дверь.

Карякин опять стал гвоздить дверь кулаками, но часовой не откликался. Тогда подо-



шел Андрей, отстранил Калякина и поступил сам: вежливо и убедительно.

Дверь снова приоткрылась.

— Ну, чого вам еще? — страдальческим голосом спросил часовой и взял карабин на изготовку.

— В туалет.

— Чого?

— Треба до витру, — пояснил Некрасов.

Через двор Андрей шел медленным шагом, лениво поглядывая по сторонам.

Заехал с улицы верховой — матрос, перепоясанный шашкой, — неумело спешился, пошел, метя клемшами землю, в соседнюю хату. Там стояли у крыльца тачанки, запряженные сытыми лошадьми.

Далеко в степи полыхало красное высокое пламя.

— Свинью палят? — простодушно спросил Некрасов. Часовой не ответил.

Возле уборной — оплетенной камышом клетушки — валялись два трупа в одном исподнем. Некрасов остановился.

— А их за что?

— Да так... Офицеры... От Врангеля до Красной Армии подались. Так само, как вы... А мы их вбили. — Часовой вдруг оживился. — Вы слухайте, что я вам скажу: якая у тех врангелей справная одежда! Френчишки, сапожки шевро... Таки гарнененьки!

— Кому ж это все досталось? — вежливо поинтересовался Андрей.

— Та уж не мени... Тут е такие хлопцы... — Часовой задумался. — Тут е такие

хлопцы, что у покойника с очей пятаки сымут, не то что чоботы... — Тут он спохватился: — Ну, вы, товарищ, делайте, делайте свои дела!

Андрей скрылся за камышовой стеночкой...

— Значит, вы, как я понимаю, за анархию? — донесясь оттуда его голос.

— А як же.

— Стало быть, за полную свободу для всех?

— А як же.

— Но что же получается на практике?.. Я от вас никуда не могу уйти — я под арестом. Но вы тоже от меня не можете уйти — вы часовой... А где же свобода?

Часовой подумал, потом со злобой сказал стенке, за которой помещался Андрей:

— Вы мне голову не крутивте... Вот комисаров с Украины геть выгоним, то и будет свобода!.. — Он стукнул в дверь прикладом. — Що вы так долго? Веревку проглотили?.. А ну, выходьте!

Некрасов вышел, застегивая ремень.

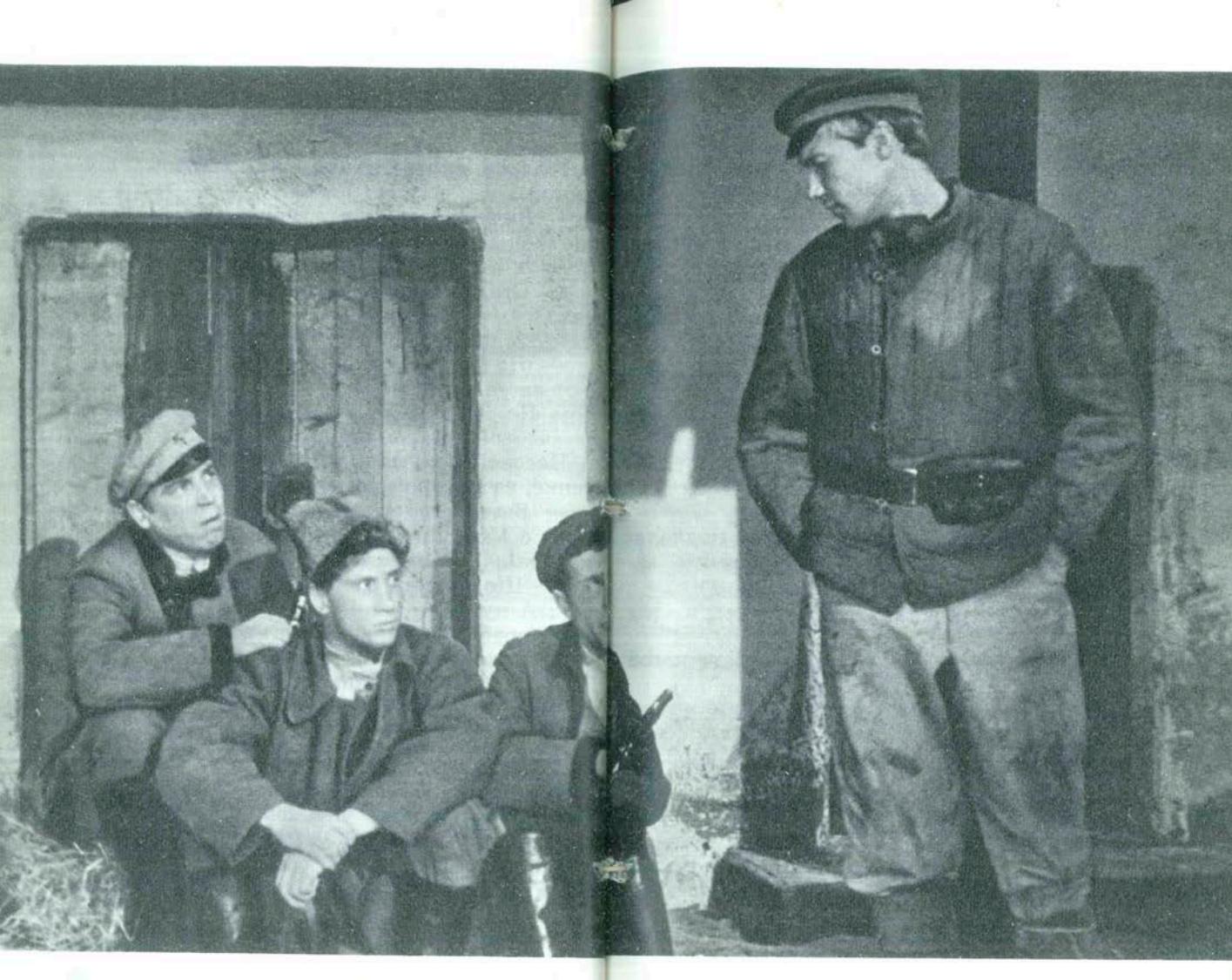
— Спасибо.

— На здоровьичко... Идти до хаты.

Калякин метался по кладовке, как волк. Когда вошел Некрасов, Иван сказал с разочарованием, даже с упреком:

— Воротился?.. Я уж надеялся, ты убег. Все-таки ты большой, а без гармошки.

И он покрутил пальцем около виска. Некрасов между тем расстегнул кацавейку и вытянулся из-за пазухи железную скобу.



— Вот... В сортире позаимствовал.

Он поднатужился и выпрямил тот конец, который был поострее. Получилось что-то вроде штыка. Калякин смотрел на Андрея с интересом и ожиданием.

— Теперь слушай... Двое офицеров хотели от Врангеля удрать в Красную Армию — так махновцы их кокнули. И нас кокнут... Я огонь видел — это они жгут аэроплан, чтоб и следов не осталось.

— Во паразиты! — сказал Калякин с некоторым даже уважением к предусмотрительности махновцев.

— Слушай дальше. В соседней хате, помоему, штаб. Возле него три тачанки. Одна запряжена воронами...

— А ты заметливый! — удивился Калякин.

Андрей, не слушая, продолжал:

— Эта тачанка самая для нас подходящая. На ней «максим», даже лента направлена.

— А выйти-то как? Тачанка там, а мы здесь.

Андрей, не ответив, стал разгребать ногой солому на полу.

— Тут должен быть погреб...

Калякин в сердцах даже плонул.

— Погреб ему надо!.. Молоко у нас, что ли, киснет?

Часовой задумчиво прохаживался вокруг хаты. В стороне, возле пушки, собралось несколько махновцев. Гогоча, они по очереди заглядывали в трубку дальномера.



Там, в веночке из цифр и делений, видна была голая девка, которая купалась на речке далеко-далеко за хутором.

— Семен! — крикнули от пушки часовому. — Ходь сюды!

Но Семен только покачал головой.

— Такого добра я богато бачил... Колы бы мне показали колбасу, та сало, та вареники с киселем...

Он не докончил. Из кладовки донесся требовательный стук. Часовой вздохнул, снял с плеча карабин и пошел в хату.

— Ну що вам неймется? Га?

Из-за двери не ответили. Часовой прислушался, подумал и осторожно приоткрыл дверь. В кладовке никого не было.

Выставив перед собой винтовку, часовой проверил, не спрятался ли кто за дверью. По-

том вошел внутрь, внимательно огляделся и опять никого не обнаружил.

— Цыкаво!.. Де ж вони е? — спросил часовий сам у себя.

Около ног часового зашуршила солома, откинулась крышка погреба. В тот же миг две руки схватили махновца за лодыжки и сдернули вниз, в черный квадрат. Потом в подполе что-то затрещало, заворочалось, раздался придушенный стон, и наружу вылез Карякин, а за ним Некрасов — мрачный и запыхавшийся. У Андрея в руке была скоба, у Карякина — карабин часового.

— Значит, так, — говорил на ходу Андрей. — Ты к тачанке и хватай вожжи. А я на минуту в штаб.

— Куда? — спросил Карякин, не поворив ушам.

— В штаб, за киноаппаратом...

Полутемные сени были пронизаны пыльными лучиками солнца. Андрей прислушался, через щель поглядел на улицу — и рывком распахнул дверь. Они побежали: Карякин, подпрыгивая, как заяц, к тачанкам, а Некрасов к штабу.

В штабе за столом сидел длинноволосый, под батыкку Махно, писарь, а на лавке у стены еще двое каких-то.

Влетев в комнату, Андрей сразу увидел прямо тут, на столе свою камеру. Он схватил ее, направил объектив на махновцев:

— Ложись, гады!.. Ваша смерть пришла! — заорал он, срывая голос, и для убедительности крутанул ручку. Писарь в испуге откачнулся. А Некрасов вскочил на стол и нырнул в открытое окошко.

Карякин уже стоял на передке тачанки и рвал вожжи, выворачивая коней к воротам. Со всех сторон — от пушки, с улицы — сбегались махновцы. Некоторые стреляли на бегу.

Андрей плюхнулся в тачанку, кинул на сено камеру и взялся за рукоятки «максима». Пулемет закашлял, захаркал свинцом.

Вороны вынесли тачанку на улицу. Они мчались мимо белых хаток, мимо акаций; пулемет строчил не переставая.

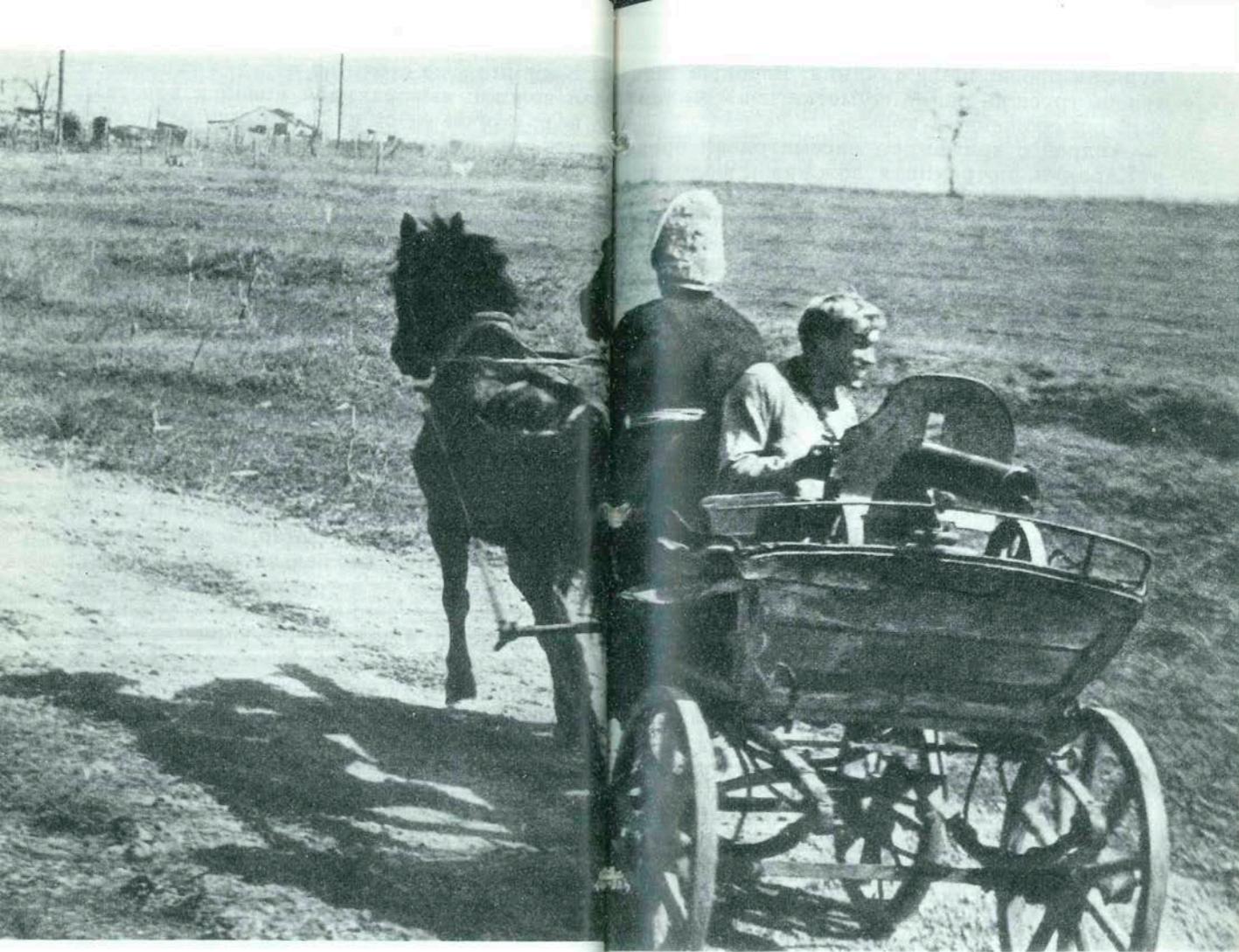
Пешие махновцы отстали. Но зато вдогон летели две тачанки и полдюжины конников.

Карякин так и не сел на козлы: стоял, широко расставив кривые ножки, вертел над головой вожжами и дико, по-цыгански, гикал на вороных. Они неслись прямиком через степь. Тачанка стонала, ахала, прыгала то вверх, то вниз, будто лодка в шторм. В ушах свистело: то ли ветер, то ли пули махновцев — ничего уже нельзя было понять.

Но когда двое из догонявших вылетели из седел, когда, нестерпимо закричав, упала на коленки лошадь в махновской упряжке, — тогда погоня постыла. Преследователи, один за одним, остановились, постреляли еще от горькой досады вдогонку Некрасову и повернули назад к хутору.

А воронье, не сбавляя ходу, уносились дальше в степь, выручали из беды Карякина и Андрея.

На кургане посреди степи сидел орел в мохнатых, как у Робинзона Крузо, порточках. Он едва повернул голову, когда мимо



кургана прокрипела тачанка. Вороные шли теперь трусцой, роняя ошметки пены на темный помороженный ковыль.

Андрей с вниманием рассматривал орла, а Карякин, потряхивая вожжами, радостно болтал:

— Я тебя сперва не полюбил, это действительно. Но сейчас прямо говорю: ты мужик геройский. Пролетарского поведения!.. Так что мы теперь друзья — не разлей водой. А за мою первоначальную грубость могу даже прощения попросить... Во я какой человек!

Некрасов слушал, улыбался и жевал ковылину. Карякину между тем пришла в голову новая мысль:

— Эх, шамать охота... Я бы сейчас картошечкой обрадовался. У нас в Туле знаешь какая картофель! Белая, рассыпчистая. Растопчешь ее ложечкой, постным маслицем окропишь... Очень вкусно!.. Ты про что думаешь, когда кушать хочется?

— Про мясо, — сказал Андрей застенчиво.

— А я про совсем другое. Я подумаю, какая впереди обещается интересная жизнь, — и сразу мне полегче.

Лошади, оставленные без присмотра, перешли на шаг. А Карякин говорил:

— Через десять лет голодных людей вообще не будет. Ну разве кого с пережору на диету посадят... А не станет голодных — так и злобы не будет, воровства, безобразия всякого. Тюрьмы эти мы позакрываем... Нет, однажды все же оставим — для мировой контры... А прочие все на слом. Кого в них сажать?

— Найдется кого, — сказал Андрей.  
— Не веришь, значит? Сомневаешься?  
— Накормить мы, конечно, накормим. А вот мозги переделать — на это десять лет мало. Может, и двадцати не хватит.

— Безрадостный ты человек! — сказал Карякин в раздражении. — И очень вредный. В каждый чугунок тебе плонуть надо... — Он отвернулся от Андрея и отвел душу, стегнув вожжами по вороным. — Н-но, махновское отродье!..

Верстах в двадцати от Сиваша стоял лагерем латышский стрелковый полк. В рощице между деревьями белели ребристые палатки. К ним и держали путь Карякин и Некрасов. Андрей рассеянно напевал:

— Вот пуля пролетела и... ага...  
Вот пуля пролетела и... ага...  
Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал...

— Ну что ты нищего за нос тянишь? — не выдержал Карякин. — И ноет, и ноет... Будто других песен нету!..

Андрей пожал плечами, но петь перестал.

— Интересно, какая тут стоит часть? — подумал он вслух.

— Это нам без разницы. Тут кругом свои, — буркнул Карякин. Он потянул носом и несколько оживился. — Слыши? Кашу варят. Вовремя едем...

...В самой маленькой палатке жил комиссар полка. Комиссаром была молодая женщина с красивым строгим лицом. Она сидела на узенькой девичьей койке и заряжала маузер.

В палатке была монастырская чистота. На столбе висели еще два пистолета — браунинг и парабеллум, а пониже — фотография какого-то брюнета в пенсне.

Из-за полога палатки кто-то сказал сильным латышским акцентом:

— Товарищ комиссар, можно войти?

— Входите, товарищ Ян. У меня ни от кого нет секретов, — ответила женщина.

Вошел боец в потертой кожаной куртке и доложил:

— Товарищ комиссар, задержали двух подозрительных.

Хозяйка палатки встала, откинула со лба черные прямые волосы и вложила маузер в деревянную кобуру.

— Подозрительных? Сейчас разберемся.

Вдвоем они вышли из палатки.

Подозрительные — Андрей и Калякин — стояли посреди лужайки под охраной двух хмурых латышей. Третий латыш, такой же хмурый, с винтовкой между колен, сидел в их тачанке.

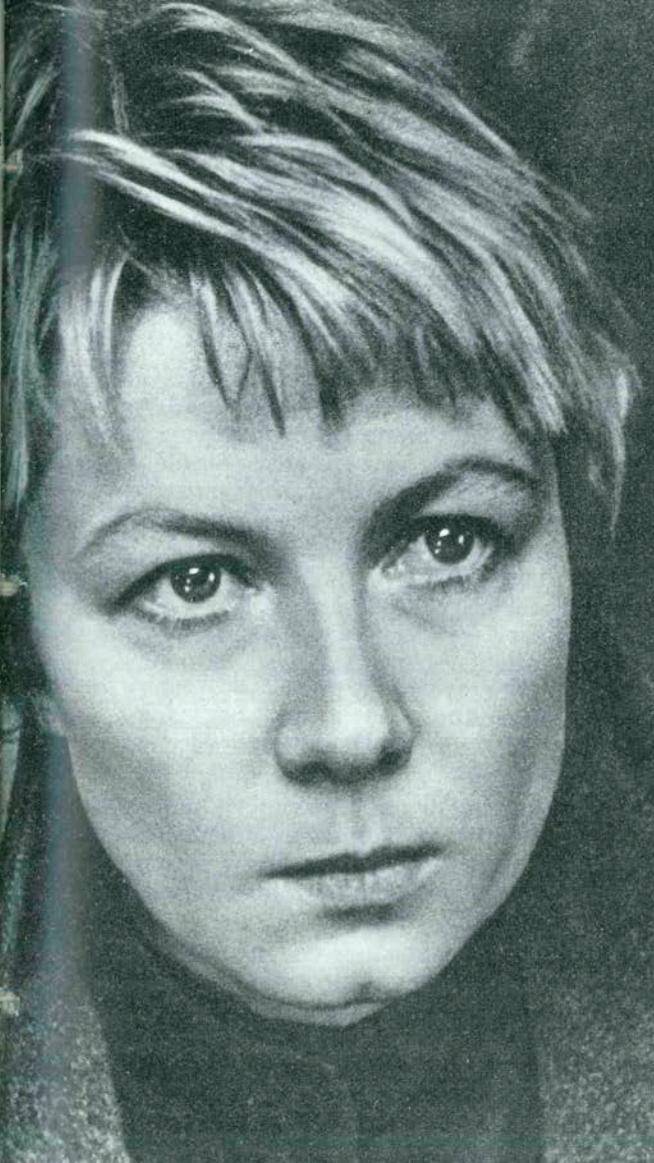
— Кто вы такие? — звонко спросила женщина-комиссар.

— Да мы три раза объясняли. Наизнанку вывернулись! — ответил Калякин с раздражением. — Бойцы шестьдесят первой дивизии, делали воздушную разведку.

— На тачанке? — спросила женщина и проницательно поглядела на Андрея и Калякина.

— Разбился наш аэроплан... А потом его махновцы, паразиты, сожгли...

— Подождите. Не надо говорить так много.



Женщина наклонилась и поглядела в камеру, лежавшую у ног Андрея.

— «Пате», «Соcъет акционэр, Франс», прочитала она вслух с хорошим гимназическим произношением.— Аппарат у вас французский... Так. Где ваши документы?

— Видите ли, документов мы с собой не брали, — вежливо сказал Андрей. — И это естественно, ведь мы летели над территорией белых. Если бы нас...

— Не надо говорить так много, — повторила женщина, на этот раз более жестко, повернувшись к латышу на козлах. — Товарищ Арвид, обыщите тачанку.

Покусывая губы, она прошлась взад-вперед перед арестованными. И вдруг остановилась прямо против Некрасова.

— Я узнала вас! — выкрикнула она, целясь глазами в Андрея. — Вы пытали меня контрразведке! Вы белый офицер!

Карякин так и ахнул от изумления. Но еще больше удивился сам Андрей.

— Вы что-то путаете, — сказал он как мог спокойно.

— Молчать!.. Поглядите на свои руки — они в крови!

Карякин в растерянности переводил глаза с Андрея на женщину-комиссара. А ее голос поднимался все выше и выше и, наверное, перешел бы даже в визг. Но тут ее перебил товарищ Арвид.

— Вот какое, — сказал он, доставая из под сиденья тачанки узелок с одеждой. Латыш неторопливо развязал его и бросил на землю две пары сапог, галифе и два френча с золотыми погонами.



Андрей сразу вспомнил разговор про френчики и сапожки шевро и мысленно проклял свою несчастливую судьбу.

— Все понятно, — сказала женщина презрительно и устало. — Расстрелять.

— Опять расстрелять? — заорал в злобе Карякин. — Это сколько же можно?.. Браточки, да не слушайте вы эту ведьму! Мы есть красные герои... Ведите нас в штаб, к кому ни на есть мужику!..

— Слушайте, вы! — сказал Андрей безнадежно. — Киноаппарат хоть перешлите в дивизию.



А женщина-комиссар пошла к себе, наверно, писать приказ о расстреле белых шпионов.

— И чего мы, дураки, спешили, коней загнали? — сетовал Андрей по дороге. — Сидели бы на старом месте! Свою пулю мы бы и там получили...

Карякин не отвечал. Он шел, скрипя зубами и часто-часто озираясь, будто пойманный хорек. Но бежать было некуда.

Некрасов вдруг вспомнил что-то и усмехнулся:

— Иван! А помнишь, ты рассказывал, как военспеца расстрелял! Может, ты тогда погорячился? Как вот эта дамочка.

Карякин недобро поглядел на него.

— Это ты брось!.. Там было совсем другое дело. Ничего даже похожего.

Их поставили у овражка. Четверо латышей, негромко переговариваясь на своем языке, отошли шагов на десять и выстроились в ряд.

— Ребята, — миролюбиво сказал латышам Андрей. — Ладно, пускайте в расход — мы на вас не в обиде. Свой своя не познаша...

— Что? — переспросил Ян подозрительно.

— Я говорю, дайте покурить перед смертью.

— Ты же, как я, некурящий? — потихоньку удивился Карякин.

Андрей так же тихо объяснил:

— Слышишь, автомобиль тарахтит? Может, начальство едет... И ты давай кури.

Посовещавшись, латыши дали им кисет с махоркой. Андрей неуклюже свернул, вдох-

Но женщина-комиссар не слушала их; ее мысль работала как-то сама по себе, отгородившись от постороннего шума.

— Мы не будем вас пытать. Нам не нужны сведения, добытые под пыткой... Вас просто расстреляют.

— И на том спасибо, — пробормотал Андрей. — Молчаливый латыш толкнул его в спину. Клацнули затворы винтовок, и Карякина с Андреем повели под конвоем в степь, подальше от палаток.

нул сизый дым, поперхнулся и поспешно передал цигарку Калякину.

— На, порадуйся в последний раз! — сказал он громко. Калякин с отвращением затянулся и закашлялся; из глаз у него пошли слезы.

Бормотание автомобильного мотора стало явственней. Из-за рощицы вывернулся открытый «мерседес-бенц» на рахитичных тоненьких колесах.

Андрей впился глазами в его пассажира и вдруг заорал что было мочи:

— Товарищ начштаба! Докладывает бо-ец Некрасов. Ваше задание выполнено!..

Автомобиль остановился. Из него вылез тот самый начштаба с седыми усиками, который отправлял Андрея на разведку. Он с удивлением поглядел на латышей, на Калякина, на Андрея.

— Что вы тут делаете?

— Расстреливают нас, — объяснил Калякин.

Начальник штаба поднял брови.

— Я начштаба шестьдесят один, — объявил он латышам. — Расстрел откладывается.

Латыши опять посовещались и сказали:

— Мы не против.

— И мы не против, — сказал Андрей.

...Калякин сидел на заднем сиденье «мерседеса» и жевал ломоть хлеба, вкусно посыпанной солью. Второй такой же ломоть он держал для Андрея. Тот пока укладывал на подушку сиденья свой бесценный киноаппарат. А возле автомобиля ругались вовсю начштаба и женщина-комиссар.

— Я их узнала! — бушевала женщина. — Вот этот маленький, с глазами палача, — он хотел меня в контрразведке!

Калякин так и подавился своим хлебом-солью.

— Бред, — фыркнул начштаба. — Это герой! Я их к награде представлю.

— Не отдам! — продолжала кричать женщина-комиссар. — Вы, наверное, сами из офицеров, поэтому заступаетесь!.. Измена свила себе гнездо!..

— Хватит! — рявкнул вдруг начштаба и встопорщил на комиссара свои седые усики. — К вашему сведению, мадам, я не офицер. Я путеец... И состою в партии с девятьсот второго года!.. А вас мы отсюда уберем. В телефонистки пойдете! В судомойки!.. Психопатка!

И тогда женщина-комиссар вдруг зарыдала. Начштаба влез в авто, зачихал мотор, «мерседес» тронулся.

А женщина все плакала, топала от обиды ногами, и маузер колотил ее по круглым коленкам.

## СЕВАСТОПОЛЬ. 6 НОЯБРЯ

В гавани, на мертвом якоре, стояло множество безработных кораблей. Белые пассажирские, черные грузовые, пакетботы, шхуны, а дальше, у старой пристани, всякая калечь: буксиры, фелюги, шаланды.

На всех кораблях жили люди: в городе не хватало квартир. На палубах стояли раскладные кровати-сороконожки, варились какая-то пища на самодельных печках, игра-

ли дети. Их отцы курили и разговаривали, облокотясь о релинги, а матери штопали или занимались стиркой.

Вывешенное для просушки разноцветное белье трепыхалось на снастях, словно сигнальные флаги, — и казалось, что дома-корабли переговариваются между собой, но уже не о морских, а каких-то хозяйственных делах.

Вдоль причала шел поручик Брусенцов. Расстегнутая шинель хлопала на ветру. Поручик с веселым удивлением разглядывал пеструю палубную жизнь. Перед маленьким катером, совсем ржавым и дряхлым, Брусенцов остановился.

Дальше кораблей не было: там плескалась маслянистая вода, таская взад-вперед арбузные корки. Бруsenцов сделал из ладоней рупор и закричал:

— Эй! На судне!

Из каюты катера выглянуло встревоженное женское лицо.

— Здорово, боцман, — сказал Брусенцов. — Свисти в дудку, строй команду. Поднимайся на борт.

И он перепрыгнул с причала на катер, хотя можно было просто перейти: рядом была специальная досточка.

Женщина вышла на палубу, придерживая у горла халатик. Это была сестра милосердия, та самая, с которой поручик спорил у себя в номере.

— Это вы? — спросила она растерянно.

— Удивительно глупый вопрос! Глупее может быть только ответ: «Да, это я». Тем не менее да, это я.



— Как же вы меня разыскали?

— Улицу я вычислил. А потом спрашивал всех подряд: где тут живет красивая сестра милосердия?.. Кстати, как вас зовут?

Он сказал и запнулся: вспомнил, как спрашивал о том же самом проститутку Ксану. Сестра тоже вспомнила и тоже смущалась.

— Саша, — ответила она после заминки.

— Очень мило. Значит, мы тезки? Я ведь тоже Саша. — Он огляделся. — Плоховато вам тут живется!

— А что делать?... В городе комнаты не найдешь...

На палубе соседнего буксира появился старичок в подтяжках.

— Александра Евгеньевна! — сказал он, подняв в руке жестянную кружечку. — Вот тут у меня рис. Как вы думаете, хватит этого на кашу?

Саша подошла к борту, серьезно поглядела и ответила:

— Конечно, хватит... Рис очень хорошо разваривается.

— Тогда, — улыбнулся старичок, — ожидите честь, пожалуйте на ужин.

— Это что, соперник? — громко сказал Брусенцов. — Не потерплю. Морской закон сурсов: кирпич на шею — и в воду!

Старик изумленно глянул на него выцветшими глазками и ушел со своей кружечкой. Сестра рассердилась:

— Ну как вам не стыдно. Это благороднейший человек!.. И очень несчастный! Его детей...

— А ну его! — не стал слушать Брусенцов. — Мы с вами очень счастливые!.. Я, например, прямо с гауптвахты. Клопы там — не клопы, а вампиры... У вас тоже, по-моему, насчет счастья не густо. Или я ошибаюсь?

Саша вместо ответа спросила:

— А вас совсем отпустили?

— Совсем. Признали невиновным, — сказал Брусенцов и стал что-то вытаскивать из кармана шинели. — Вот я принес водку, кофе и сахар.

— У меня хлеба нет, — призналась сестра.

— Перебьемся.

...Саша и Брусенцов сидели друг против друга в крохотной каюте катера — она на своей койке, а поручик на узенькой скамейке.

Было так тесно, что они чуть не касались друг дружки коленями.

Брусенцов вел себя так, словно это он был хзяин, а Саша пришла к нему в гости. Разливая водку, он успел свободной рукой подхватить с примуса пустивший пену кофейник и поставить его на чемодан, который был у них вместо стола.

Саша исподлобья наблюдала за ним.

— Вот вы были уверены, что все так и случится. Вы придетете, сядете со мной водку пить... А если бы я была не одна? С мужем или там с любовником?.. И вообще — откуда вы знали, что я вас не выгоню?

— Дурацкий какой-то разговор! — сказал Брусенцов сердито. — Ну нет же у вас ни мужа, ни любовника — вообще никого нет, кроме примуса!.. И выгонять вы меня тоже не собираетесь. Так чего метафизику разводить? — Он поглядел на нее и добавил: — Просто мне очень хотелось, чтобы все оказалось именно так. Чтоб вы были одна, чтоб вы были мне рады... Чтоб мы сидели вместе и разговаривали. Так оно и вышло. Чем же я виноват?.. Ваше здоровье!

Он чокнулся крышечкой от термоса с Сашиной мензуркой и выпил, прихлебнув вместо закуски кофе.

Саша пить не стала.

— Что-то в этом есть такое пошлэ-пошлое! — сказала она жалобно. — Одинокая сестричка, пришел поручик с водкой... Я вас, конечно, не гоню, но вы дадите — и уйдите. Ладно? Пожалуйста, я вас очень прошу...

Брусенцов поместил ноги поудобнее, и от этого чемодан-столик заходил ходуном.



— Новое дело! Никуда я не уйду, — объявил он. — Об этом даже думать бросьтесь. Вот возьму и останусь тут до завтра.

— Тогда я уйду. — Саша встала.

— Ну что вы! — сказал поручик вежливо и ногой загородил ей дорогу. — Так радио? Нет-нет... Посидите у нас еще.

В этот момент с берега требовательно позвали:

— Брусенцов! Сашка!

Поручик насторожился. Он вскочил стукнулся головой о низенький косой потолок. Чертыхнувшись, Брусенцов открыл дверь и выглянул наружу.

На пристани стоял офицер в черкеске.

— Я уж думал, не найду, — сказал он облегчением. — Саша, тут вышел некий камуфлет: твоего Абрека забрал себе генерал Бриллинг.

— Очень мило... — Брусенцов даже перекривился от злобы. — А почему? По какому праву?

— Говорит, что ты не кавалерист, не адъютант. Значит, конь тебе ни к чему.

— Ясно... Ясно, — сказал Брусенцов и повернул голову к Саше. — Сукины дети! Негодяи! Я скоро приду. Вы ждите.

Он схватил фуражку, и через секунду его каблуки уже стучали по доскам причала.

Саша тоже вышла на палубу. Брусенцов быстро шел, почти бежал по пристани. Офицер в черкеске еле поспевал за ним. Саша вдруг сделалось очень грустно.

Она облокотилась на перильца и стала глядеть на воду, всю в павлиньих узорах нефти, на лодочки арбузных корок.



Генерал Бриллинг обедал в ресторане. С ним была немолодая дама в шляпке и какой-то штатский, видимо, ее муж.

— Они очень музыкальный народ! — говорил генерал, разглаживая ладонью салфетку на груди. Рука у него была морщинистая, в крупных, с копейку, старческих веснушках. — Удивительно музыкальный! За это им сто грехов простится... Яша Хейфец, Антон Рубинштейн... А когда приехал Пабло Сарасате — он ведь тоже наполовину еврей, — так весь Петербург...

Генералу не удалось докончить. Из вестибюля донеслись крики, женский визг, какой-то непонятный треск и топот. Бриллинг обер-

нился поглядеть, да так и замер с открытым ртом. В распахнутых на обе стороны дверях обеденного зала показался всадник.

Низко пригнувшись к лошадиной шее, он въехал в зал. Гнедой конь удивленно и недовольно косился на мраморные столики, на вскочивших с места людей.

Это был Абрек. А в седле сидел Брусенцов. Лавируя между столиками, он подъехал к генералу Бриллингу.

— Господин генерал! — сказал поручик громким и неприятным голосом. — Или нет, разрешите по-старому, без демократических штучек. Ваше превосходительство!.. Ваше превосходительство, вы дермо собачье!

Генерал вскочил, сорвал с шеи салфетку, обнажив на груди боевые кресты, застучал кулаком по столу. Дама закрыла лицо ладонями, откинулась на спинку кресла. От соседних столиков бежали какие-то офицеры, один даже тянул на ходу шашку из ножен. Шум стоял невообразимый, разобрать можно было только бешеные выкрики Брусенцова:

— Полюбуйте отнимите!.. Абрек со мной с шестнадцатого года!.. Мерзавцы! Скоты!.. Всех перестреляю!..

Бруsenцова хватали за сапоги, рвали у него из рук поводья. Абрек в испуге завизжал, сделал свечку, люди шарахнулись, со звоном посыпалась на пол посуда.

Генерала отжали в сторону. В суматохе он облился супом и жалобно кричал:

— Дикарь! Молокосос!.. Я старый солдат!.. Сам дермо!..

## ДЕРЕВНЯ ЖУКОВКА. 6 НОЯБРЯ

Между тыном и пегим глинобитным сарайчиком была развешана для просушки кинонента.

Карякин находился при ней для охраны. Две голодные козы — черная и белая — давно уже подбирались к гирляндам пленки. Иван отгонял их голосом и хворостиной.

Дверка сарая распахнулась, и оттуда, согнувшись, вылез Андрей. В поднятой руке он, словно дохлую змею, нес длинную ленту пленки.

— Андрей! Держи хвост бодрей! — крикнул Карякин. — Ты чего невеселый?

Некрасов не ответил. С каким-то ожесточением он стал сдергивать высокую пленку с тына. Карякин благодушно продолжал:

— Интересно, какая нам выйдет награда?.. Если именные оружия — это мне без надобности. А хорошо бы сапожонки хромовые и тебе галифе...

— Галифе... Галифе... — бормотал Андрей машинально. Он пропускал пленку между пальцами, разглядывая ее на свет. — Не вышло у меня ни хрена. Вот какие галифе...

— То есть, как это? — опешил Карякин.

— Сам не знаю. Где-то напортачил. — Андрей грузно сел на землю и оперся спиной о стенку сарайчика. — Сплошная муть, ничего не видно... Может, экспозиция... Или фокус...

— Фокус... Нет, это не фокус, — пробормотал Карякин. — Это погибель наша... Всей дивизии погибель!

Он вдруг всплеснул руками и заметался по двору, как безголовый петух.

— Ты скажи, как теперь наступать?!

Андрей только помотал головой и с трудом выдавил из себя:

— Плохо, Ваня... Даже сердце болит.

Карякин подскочил к тыну, стал хватать пленки и глядеть их на свет, хотя увидеть ничего не мог; потом заметил, что черная коза уже жует киноленту, и с яростью пнул ее ногой:

— Брысь, чертова кукла!

И вдруг Карякин сстановился будто вкопанный. Глаза у него округлились, зрачки полезли вверх, под веки.

— А ведь я этот фокус понял, — выдохнул он сквозь сцепленные зубы, шагнул к Некрасову и вдруг носком сапога ударил его в бок. — Вставай, паскуда!

Андрей дернулся от удара и оторопело поглядел на Карякина. А тот выдернул из кобуры наган, взвел клювик и наставил дулом в лоб Некрасову. — Встать!

Андрей поднялся. Карякин предусмотрительно отскочил шага на два — он помнил, какие у Некрасова длинные и скорые руки. Держа его под прицелом, он сказал тихо, но с бешеною ненавистью:

— Против тебя мое сердце всегда чуяло... Попович... Ты это все нарочно навредил. — И Карякин сорвался на крик. — Собирай пленку! Я тебя в штаб сведу!.. Сам доложиши о своей измене...

Перед штабом дивизии на деревянных козлах был укреплен велосипед. Солдат-самоизобретатель, сидя в седле, безостановочно крутил

педали. На заднем колесе шины не имелось: на обод был заброшен приводной ремень динамомашины. От динамы тянулся провод к окну штаба.

Само окно было занавешено изнутри буркой. На столе начдива стрекотал проекционный аппарат, и на стенке дрожало мутное четырехугольное пятно.

Начдив, начштаба и еще один военный в папахе смотрели кинопленки. Андрей возился возле аппарата, а Карякин стоял у двери, как часовой, и руку держал на кобуре.

В тягостном молчании шли секунды, а мутный четырехугольник по-прежнему дрожал на стенке, и по-прежнему ничего нельзя было разобрать: какие-то белесые разводы — и все.

Но вдруг на стене появились человеческие лица — черные, с белыми волосами, потому что это был негатив. Шарахнулся куда-то вбок патлатый писарь, двое других махновцев задрали кверху руки — и сразу же четырехугольник на стенке сделался ярко-белым.

— Как видите, ничего не вышло, — подвел итоги Андрей. Начштаба сухо поинтересовался:

— А вот эти люди... Что это было?

— Да так... Это к делу не относится, — вздохнув, сказал Некрасов. Начдив вышел из-за стола, содрал с окна бурку. В комнате стало светло.

— Да, Некрасов, — неласково сказал начдив. — Как же с тобой поступить?..

— Товарищ начдив! Разрешите обратиться! — выкрикнул от двери Карякин. — Этот

Некрасов беспартиец. Происхождением он чуждый и вел злые разговоры против революции!.. Он свою киносъемку нарочно загубил!

Наступило молчание. Андрей стоял посереди комнаты, переваливаясь с пяток на носки.

— Это ты брось, Иван! — сказал наконец начдив и погрозил Калякину узловатым пальцем. — Я тебя знаю!..

— Не надо, не надо пороть горячку, — согласился начштаба. — Ну, не удалось... Что теперь поделаешь?

Он встал и прошелся по комнате. За столом остался сидеть только незнакомый коммандир в папахе — по петлицам комбриг. Был он широк в плечах — почти как Некрасов. Налитое здоровьем лицо украшали пышные, взрывающие, усы. На груди у комбрига красовался орден в шелковом банте.

— Будем считать так, — сказал начштаба, кончая разговор. — На ошибках учатся.

— Точно! — насмешливо подтвердил комбриг и повернулся к Андрею. — Но ты заруби на носу: дурень учится на своих ошибках, а умный на чужих.

— Ладно, иди, Некрасов, — махнул рукой начдив. — У нас делов — лопатой не перекидаешь...

Но Андрей не тронулся с места.

— Товарищ начдив, — сказал он хмуро. — У меня феноменальная зрительная память...

— Чего?

— Если я что увидел — уже никогда не забуду... Хотите, я вам нарисую перекопские укрепления? Как я их видел с аэроплана.



Все поглядели на него с новым интересом, даже Калякин. Комбриг в папахе прищурился.

— А ты не брешешь?

— Это мы сможем проверить, — сказал начштаба. — Вот вам бумага, делайте крошки.

Он придинул к Андрею столку бумаги и снарядную гильзу, полную карандашей.

...Велосипед по-прежнему висел на козлах. Боец-самокатчик сидел развалившись в седле, курил козью ножку и давал разъяснения любопытным.

— Чего они там? — спрашивали его. — Может, приказ получили, чтоб наступать?

— Они фильму смотрели.  
— Какую?

— Очень интересную. Заглавие не знаю, но только из нашей боевой жизни. Завтра, за ради праздника, ее всем бойцам покажут.

...На листках, разложенных цепочкой через весь стол, были нарисованы крестики, кружки, квадратики. Тянувшаяся от края до края толстая линия обозначала Турский вал, линии потоньше — проволоку, окопы, ходы сообщения.

— Крестики — это пулеметные гнезда, кружочки — орудия, — пояснял Андрей. — Если впереди скоба — значит, кирпичный бруствер... А тут четыре пушки. Очень большие, без колес...

— Морские орудия, — пробормотал начштаба. Начдив и комбриг разглядывали чертеж с надеждой и сомнением. Калякин стоял сзади и, поднявшись на цыпочки, засматривал через плечи начальства.

— Вроде похоже, — изумился он вслух.

— Вроде — у бабки на огороде: не то тыква, не то дедок без портока, — строго сказал комбриг. — А нам надо не вроде, а в самый аккурат.

Начштаба раскрыл тоненькую папку.

— Тут оперативные сведения, от перебежчиков. Два участка подробно описаны. — Он без улыбки посмотрел на Андрея. — Сейчас сравним с вашим творчеством.

Долго и придилично он сличал свои сведения с рисунком Некрасова, потом растерянно улыбнулся.

— Поразительно!.. Точка в точку!

И сразу все зашумели, заговорили вместе.

— Ну Некрасов! Ну змей! — ликовал начдив и хлопал Андрея по спине широкой, как лопата, рукой.

— Действительно, феноменальная память, — приговаривал начштаба, собирая листки. — Сейчас мы это отправим в штаб армии.

А комбриг гудел:

— Фотограф, ты, часом, не с Ростова? У ростовских у всех глаз очень зацепистый... Вдруг он забеспокоился.

— Добре. Я к себе поехал. Некогда тут гулять. — Не вставая, комбриг повернул голову к Андрею и Калякину. — Друзья, ходите сюда... Обойму я вас покрепче, и поможете до коня добраться.

Калякин и Андрей глядели на него в недоумении. А он, уже нетерпеливо, повторил:

— Да что вы, оглохли?! Помогите сесть на коня.

Андрей с Иваном, все еще не понимая, обошли стол, глянули вниз — и оба изменились в лице.

Комбриг крепко обхватил их за плечи, они осторожно подняли его со стула и понесли к дверям. У комбрига не было обеих ног. Красные галифе с ляями кончались у колен, а ниже ничего не было...

У крыльца ждал рослый, с крутой, как лемех, шеей конь. Два чубатых ординарца запричитали, увидев своего комбрига на руках у чужих людей:

— Петро Максимович!.. Шо ж ты нас не шумнул?!

Комбриг отмахнулся. Некрасов и Калякин подняли его в казачье седло — и сразу к этому калеке, который только что висел между ними тяжелым кулем, вернулась его сила и стать. С седла глядел на Андрея веселый и уверенный в себе богатырь.

— Вот так, — сказал он. — А ну, давай я тебя поцелую. Ты золото хлопец!..

Он ловко перегнулся, чмокнул Некрасова в губы и стал отстегивать от пояса маузер в деревянной кобуре.

— На. Возьми от моего щедрого сердца.

Комбриг крутился на коне и с места пустил его вскачь. Ординарцы — они уже были в седле — поскакали за ним. Они гикали, свистели, секли воздух нагайками — любо-дорого было глядеть, как уносятся три лихих всадника по широкой белой дороге...

— Андрюха! — попросил Калякин. — Дай маузер посмотреть.

— Иди ты знаешь куда...

Калякин огорчился, даже заморгал ресничками.

— Ты что, обиделся?.. Зря! Это ты зря!. Ведь я как думал? Я думал, ты враг революции... У меня и закипело. А теперь вижу — ошибился... Давай обратно дружить? А? Ну, чего молчишь?

— Я же тебе сказал — иди куда по дальше.

Штаб армии сильно отличался от штабов дивизии: у крыльца стояло два автомобиля да и само здание было каменное, двухэтажное. Штаб был украшен красными флагами

Поперек фронтона висели кумачовые лозунги: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРЕТЬЯ ГОДОВЩИНА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!», «СМЕРТЬ ВРАНГЕЛЮ! ДАЕШЬ КРЫМ!»

На балкончике стояли трое: два штатских и худощавый молодой военный в шинели с малиновыми бранденбуррами. Это был прославленный командарм. Он принимал праздничный парад.

Дул холодный ветер. Штатские зябко подняли воротники кожаных тужурок. А командарм стоял, развернув плечи, и твердо держал руку у козырька островерхого суконного шлема.

Мимо штаба маршировали обтрепанные, но бодрые духом пехотинцы, катились ряды самокатчиков с карабинами через плечо; со скрежетом проехали три броневика.

Потом прошла на рысях кавбригада во главе с безногим комбригом. За комбригом ехал оркестр. Два трубача были рослые, губастые, а третий — совсем ребенок, лет четырнадцати. Подбоченясь, он сидел на умной ласковой лошадке и трубил в начищенный до сияния горн.

...Пение горна и звяканье эскадронных бубнов проникали внутрь, в комнаты, где работали штабисты.

Начальник штаба армии, повысив голос, закончил фразу:

— ...разработан товарищем Фрунзе и одобрен главкомом.

Он дотянулся до форточки, прикрыл ее и заговорил снова:

— Согласно этого приказа наступление начнется сегодня.



В комнате было много военных, среди них и начштаба 61-й дивизии.

Все они напряженно слушали, разложив на коленях планшеты с картами, делая в блокнотах понятные им одним пометки.

— Главный удар будет нанесен на Переярковском перешейке,— продолжал начальник штаба армии. Он подошел к стене и показал на карте.— Нашей армии приказано взять штурмом Туремский вал и, прорвав укрепления белых, войти в Крым на плечах противника...

Начштаба 61-й дивизии, нахмутившись, провел карандашом у себя на карте жирную линию. Это был Туремский вал. Потом нарисовал короткую толстую стрелу, нацеленную

сверху вниз. Это было направление удара. Нарисовав, он поднял голову и недовольно зашевелил усиками. Задвигались на своих местах и остальные военные: они тоже удивились, но не решались прервать начальство вопросом. А начальник штаба армии невозмутимо продолжал:

— Существует мнение, что Туремский вал практически неприступен. Полученные нами последние данные подтверждают,— он отыскал глазами начштаба 61-й,— что оборонительные позиции белых действительно весьма надежны. Поэтому командование решило одновременно с лобовым ударом провести обходной маневр. Специальной ударной группе из частей нашей армии предлагается форсировать Гнилое море — Сиваш — и выйти на Литовский полуостров, с тем чтобы ударить по белым с фланга.

Он снова показал по карте, и снова в комнате зародился удивленный шум. Кто-то спросил, не выдержав:

— А как его форсировать, Сиваш, если он непроходимый?

— Обычно Сиваш непроходим,— тем же деловитым голосом ответил начштабарм.— Но в последние дни сложилась исключительно благоприятная ситуация. Сильные северо-западные ветры отогнали воду на восток. Дно Сивашского залива частично обнажилось. Поэтому мы двинем вброд через Сиваш пехоту, кавалерию и даже артиллерию. Штурмовую колонну поведут опытные проводники из местных крестьян...

И опять комната наполнилась тихим гулом — на этот раз одобрительным.

Начштаба 61-й нарисовал на своей карте еще одну стрелу. Была она кривая, начало брала рядом с первой, нацеленной на Турецкий вал, и загибалась далеко налево. Пройдя через Сиваш и Литовский полуостров, эта изогнутая стрела вонзилась клювом опять же в Турецкий вал, но уже не спереди, а с тыла...

...Парад кончился. Возле полевых кухонь подкативших прямо к штабу, толпились бойцы с котелками.

С телеги раздавали газеты. Брали их охотно, но читать умели немногие: неграмотные с газетами в руках собирались вокруг грамотеев, вслух читавших новости республики.

На крыльце штаба устроился худой угрюмый мальчик в драной шинели. Он ел похлебку из котелка. Непонятная тень упала на него, и он поднял глаза.

Перед ним красовался на коне другой мальчик — тот самый горнист, что ехал перед кавбригадой.

— Ты кто? — спросил горнист задиристо.

Худой мальчик покорно ответил:

— Я полковый сын.

Горнист хмыкнул.

— Сын... Мабуть, ты не сын, а пасынок! Шо ж твой полк тебя не оденет, не накормит?

Мальчик в шинели тихо сказал:

— Вот ведь я ем...

— А я эту пойлу сроду не кушаю. Мне любом эскадроне и сала дадут, и луку, сахару.

Мальчик поглядел на горниста — како-



он был чистенький и красивый, в сапожках со шпорами, с золотым горном на груди — и безнадежно попросил:

— Дай в трубу подудеть.

— Ну да!.. А потом с горна сопли выбивать? В нос труби, пехота!

И он отъехал от крыльца.

Сверху, с балкона, на них молча смотрел командарм. Он вздохнул, повернулся и ушел внутрь, в комнату.

Там продолжалось совещание.

— И в этот прорыв устремятся Первая Конная и Вторая Конная, — говорил начштаба армии. Когда вошел командарм, он умолк. Все, кто был в комнате, встали.

— Какой ветер? — спросил с порога командарм.

— По-прежнему северный, скорость девять метров.

Командарм удовлетворенно кивнул и только тогда поздоровался:

— Здравствуйте, товарищи командиры. Садитесь... С приказом все ознакомились? Дополнений, оперативных поправок нет?

Комната почтительно молчала. Командарм расстегнул крючки шинели и сел на придвинутый кем-то стул, поставив между колен серебряную саблю с орденом на эфесе.

— План командования, на мой взгляд, прост, остроумен и убедителен. Великолепно найдено направление основного удара — обходной маневр через Сиваш. Конечно, риск есть, большой риск — вы сами понимаете, что будет, если ветер переменился и вода вернется в Сиваш... Но риск — это обязательный элемент стратегии.

Усатые темнолицые командиры с напряженным вниманием вслушивались в длинные и не совсем понятные слова.

Командарм задумался, потом провел ладонью по лицу, встал и сказал уже про другое:

— Товарищи командиры, в шестнадцать часов будет праздничный обед. Кроме того получите папиросы — это нам подарок от Петроградского Совета...

СЕВАСТОПОЛЬ. 7 НОЯБРЯ.

21 час 10 мин.

На Корабельной улице, где жила Саша, было темно и тихо; только шлепался о берег прибой. Кое-где на неподвижных кораблях светились окна кают, круглые, как фонари.

Торопливо процокали по доскам пристани конские копыта, и снова стало тихо. Всадник спешился, привязал лошадь к чугунному кнехту и негромко позвал:

— Сашенька!

На маленьком катере приоткрылась дверь каюты. Сестра милосердия вышла на палубу.

— Ой, — сказала она и прижала кулочки к груди.

— Не рады?

— Рада... Ужасно рада.

Брусенцов перемахнул с причала на палубу.

— Чаю дадите?

— Сейчас? — испугалась Сашенька. — Что вы, милый, это неудобно... Правда, неудобно. Приходите завтра.

— Какое еще завтра? — дернулся плечом поручик. — Никакого завтра не будет. У меня всего час времени.

Саша испугалась еще больше.

— Вы убежали с гауптвахты? Из-за меня?

Поручик сморщился.

— Бог ты мой, как романтично... Ничего я не убежал. Меня оттуда в шею выгнали.

— Почему?

— Еду искупать вину кровью. Как повелось на Руси: своей кровью чужую вину...



— Я ничего не понимаю,— растерянно сказала медсестра.

— Чего ж тут не понять? Всех офицеров посыпают на фронт. Красные начали наступление.

Сашенька охнула и беспомощно схватилась за рукав его шинели.

— Саша... Вас-то зачем? Что с вами будет?

— Что будет, то будет,— сказал Брусенцов раздражаясь.— Ну что мы тут стоим? Холод собачий... Пошли в каюту.

...Абрек терпеливо ждал, только стриг ушами да время от времени шумно вздыхал.

Опять по доскам застучали копыта: вдоль пристани ехал конный наряд — наверно, к пакгаузам. Абрек тихо заржал, вроде бы поздоровался. Но чужие лошади не ответили.

У каждого всадника за спиной был карабин, при седле фонарь. Отблески этих фонарей бежали по воде мимо неподвижного катера. А казалось наоборот: казалось, что это Сашин кораблик вдруг снялся с мертвого якоря и поплыл куда-то.

...Брусенцов и Сашенька лежали, чуть не касаясь друг друга щеками — койка была очень узкая. Высунув тоненькую голую руку из-под одеяла, Саша осторожно трогала лицо поручика, проводила пальцами по векам, пробовала разгладить морщинки на лбу. Теперь эти морщинки, эти светлые брови и жилочки на висках были ее, принадлежали ей.

Лежа с закрытыми глазами, Бруsenцов говорил:

— Знаешь, если бы ты только сказала: «Не надо, зачем это, ты все испортишь», я бы плюнул и ушел. Терпеть не могу!..

— А что, все так говорят? — слабо улыбнувшись, спросила Сашенька. Поручик не ответил.

— Не знаю, почему я не сказала... Я же тебя люблю. И потом, мне тебя всегда жалко.

Брусенцов открыл глаза.

— Очень мило... А почему это меня надо жалеть?.. Что я, нищий? Щенок на трех лапах?

Теперь промолчала Саша. Только поцеловала поручика около уха.

— Зажги свечку, — велел Брусенцов. — Я посмотрю время.

Саша зажгла огарочек, пристроенный на полке. Брусенцов глянул на часы и присвистнул. — Мне пора.

... На соседних суденышках позажигали огни. С берега доносился надрывный крик паровозов. Море в ответ гудело сиренами пароходов.

Где-то рожки торопливо играли тревогу, выгоняя солдат из теплых казарм.

Брусенцов и Сашенька вышли на палубу.

— Ага, заголосили, забегали! — сказал Брусенцов с непонятной злобой.

— Саша, — спросила медсестра, решившись. — Как же ты сможешь на фронте?.. Раз ты не веришь.

— Во что не верю? В непорочное зачатие?

— Ты знаешь во что. В то, что мы победим.

Брусенцов хотел опять ответить грубостью, но, посмотрев на Сашеньку, передумал.

— Конечно, я верю, что победим. Иначе зачем бы я жил?.. Только до этой победы знаешь как далеко!..

Он говорил, а сам уже машинально проверял, все ли на нем как следует: застегнута ли кобура, не съехала ли портупея.

— Из Крыма мы уйдем... Ну, я-то, если тебе интересно, уйду последним... Но это еще не конец! Пускай комиссарики хозяиничают, пускай доводят Россию до ручки... А доведут — вот тогда мы вернемся. Только бы нам не потерять себя в каком-нибудь Лондоне или там Лисабоне... Остаться белой гвардией. Быть, как пули в обойме, — всегда вместе, всегда наготове... Вот во что я верю!

Саша смотрела на него внимательными глазами, но думала про другое. Эти слова, которые раньше были для нее важны и даже необходимы, теперь как-то пролетели мимо ушей. А важно было другое: увидит ли она еще это лицо, будет ли водить пальцами по жестким губам... Он понял, о чем она думает, и, нахмурившись, поглядел на часы.

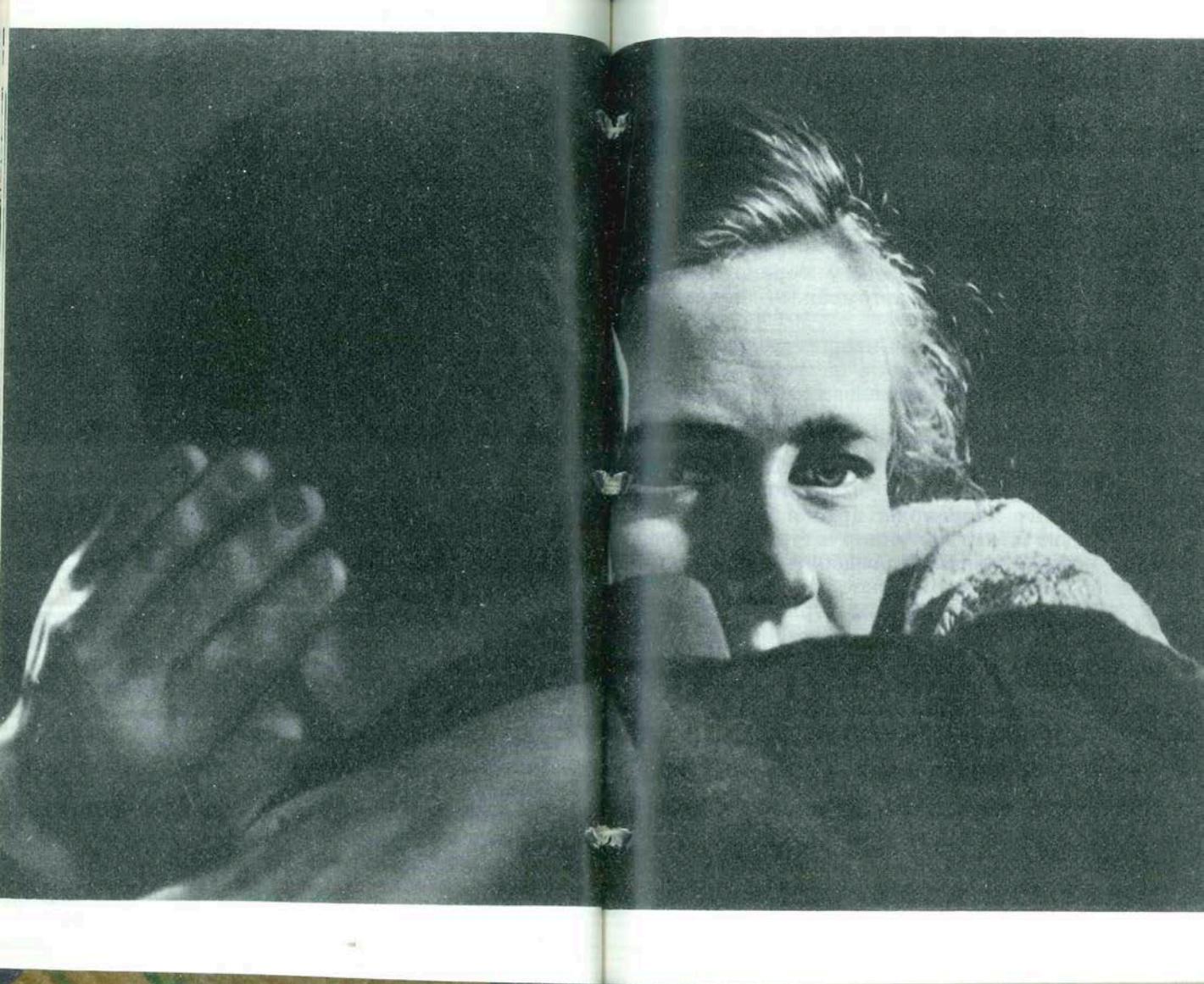
— Ну, тезка, прощай.

— Мы еще увидимся, — сказала Саша неуверенно. — Обязательно!

— Увидимся, не увидимся... Кому это все нужно? Сегодня было хорошо — и хватит с нас. И на том спасибо.

Они поцеловались, и Брусенцов пошел отвязывать Абрека.

Привычно подхватив шашку, он сел в седло, махнул Саше рукой и уехал. А Сашенька осталась стоять, по-старушечки обтянув плечи теплым платком. И лицо у нее тоже стало старушечье — сморщенное и покорное.



СИВАШ. 8 НОЯБРЯ. 0 час. 30 мин.

В ту ночь сильно похолодало. Дно Сиваша было белесое, круто присоленное морозом. Стекляшками поблескивали замерзшие лужицы — все, что осталось от у gnанного ветра моря.

С обрывистого берега на эту тосклившую равнину спускались бойцы — отряды штурмовой колонны. На берегу горели костры. Возле штабного автомобиля толпились командиры.

Съезжали на дно Сиваша трехдюймовые пушки; каждую волокла шестерка лошадей. Взвод за взводом вытягивались в узкую колонну и уходили в темноту.

...Хрустел под ногами мерзлый песок. Впереди колонны шел бородатый мужик в тулупе. В руке у него был длинный, как у библейского патриарха, дрючок.

Рядом шагал командир штурмовой колонны — худой, носатый, озабоченный. За ним несли развернутое красное знамя.

По обе стороны тропы чернели кляксами илистые болотца.

— Черные эти пятны — их надо беречься хуже огня, — поучал командира проводник.

— Это чаклаки называются, по-русскому сказать — топь, трясина. Туды остушишься — и все, каюк.

Позади, там, откуда ушла колонна, дрожали красные точки — костры на берегу. Далеко впереди рубили небо, скрещивались голубые палации прожекторов. Там был Литовский полуостров.

От головы колонны к хвосту торопливо шел связной. Ясным голосом он повторял для бойцов инструкцию.

— Не кричать зря без толку... Не курить... Не стрелять без команды...

Оступилась и недоуменно заржала лошадь в артиллерийской упряжке.

— Стреляй ее! Она приказ не сполняет, — сказал в темноте голос.

— Это кто ж такой языкатый? — строго спросил связной.

Отозвался тот же голос:

— Ну чего жужжишь?.. Без тебя знаем! Тут не пешки деревянные, а сознательные бойцы... Может, все коммунисты.

Связной вдруг обрадовался.

— Иван Трофимыч! — сказал он, приглядевшись. — Командир желанный. Это ты ли?

— Ну, я, — ответил Калякин. Он шагал рядом с Андреем Некрасовым.

— А тут вся рота твоя! — доложил связной. — Ты чего ж не с нами? Кем командуешь?

— Командовал бы жинкой, да и той нету, — хмуро сказал Калякин. — Я теперь съемщик.

Связной не совсем понял, но с уважением посмотрел на штатив и кассеты, которыми был навьючен Калякин.

— Хитрое дело!.. Ну, бывай.

Он отошел, а Калякин повернулся к Андрею.

— Это Пудалов, комвзвода был у меня. Некрасов не ответил.

— Все серчаешь, — сказал Калякин с обидой. — Вроде мы с тобой бабу не поделили...

А я за революцию огорчался! И ты на меня не можешь держать зла!.. Не имеешь такого права!

Андрей шагал молча, глядя себе под ноги.

...Проводник шел, настукивая дорогу своим посохом.

— Кончилась сухость,— сказал он.— Теперь гляди в оба!..

Подбежал связной Пудалов.

— Товарищ командир! Надо бы ходу сбить — там пушки вязнут.

...Вокруг увязшей пушки сутились бойцы. Бились в поstromках, разбрзгивали черный ил кони. Ездовой без толку жег их кнутом. Ствол пушки все больше задирался кверху, а хвост уходил в трясину.

Подошел Некрасов с широкой доской. Он кинул ее на топкую землю, подлез под пушку и, упираясь коленями и руками в доску, медленно выжал лафету кверху. Рот у него перекосился от натуги, белки выпучились на черном лице.

Бойцы подхватили скользкий от ила хвост пушки, лошади рванули — и орудие не охотно выкатилось из чаклака. А Некрасов, подняв с земли свою камеру, перекинул ее за спину и снова зашагал вперед.

## ТУРЕЦКИЙ ВАЛ. 8 НОЯБРЯ.

3 часа 00 мин.

Тяжелые морские орудия были привезены на Перекоп из Севастополя. Лежа брюхом на бетонных подстилках, они тянули свою рыла на север, откуда должны были прийти

красные. Зябко ежилась на ветру артиллерийская прислуго.

В эту ночь на Турецком валу никто не спал. Притопывая сапогами, дозорные ходили вдоль проволочных заграждений, вдоль брустверов.

Неглубокий ход сообщения вел из окопа в штабной блиндаж. По этому ходу торопливо шагал офицер в шинели с поднятым воротником. Сгорбившись, он нырнул в черную нору. Заскрипели мерзлые ступеньки.

В блиндаже обстановка была деловая и спокойная. Три телефона выстроились на столе. Рядом с ними булькал кофейник на спиртовке.

За столом сидел молодой полковник и точил карандаш. Он обернулся на шум открывшейся двери.

— Разрешите? — козырнул вошедший.— Поручик Брусенцов.

— Очень приятно,— сказал полковник с легким неудовольствием.

— Господин полковник, мы тут сидим, ждем лобового удара... А если красные пойдут в обход? Это ведь азбука. Они азбуку знают.

Полковник вздохнул.

— Да, да, поручик, вы правы. Они действительно готовят обходной маневр — на Чонгарском направлении. Нам об этом известно,

— Да я о другом говорю, — нетерпеливо отмахнулся Брусенцов. — Что если они тут, под боком, через Сиваш попрут?!

— По морю, аки посуху? Вы с ума сошли.



— Допустим, сошел. А вдруг они тоже?.. Такую возможность вы не учли?

Полковник встал из-за стола, чтобы разговор был покороче.

— Вы давно к нам прибыли?

— Десять минут назад.

— Так вот, идите умойтесь с дороги, отдохните. — И вдруг полковник сорвался. — Ну что ты будешь делать! Каждый поручик — Бонапарт! Каждый, ядри его палку, принц Савойский!.. Только воевать некому.

Брусенцов поглядел на него — молодого, уверенного в себе — с обжигающей ненавистью. Но это был фронт, а не севастопольский ресторан. Поручик молча козырнул и вышел из блиндажа.

А полковник сел и потянулся к кофейнику. Но по пути его рука передумала и сняла трубку телефона.

— Дай-ка мне Литовский полуостров... Губаревич?.. Это я, Васильчиков. У тебя прожекторы горят?.. Слушай, посвяти на всякий случай на Сиваш. И обеспечь наблюдение... Что?.. Говорят тебе — на всякий случай!..

Он кинул трубку, уже сердясь на себя за то, что поддался панике.

#### СИВАШ. 8 НОЯБРЯ. 3 часа 15 мин.

Штурмовая колонна вилась теперь между чаклаками длинным узловатым шнурком: проход стал совсем узким и ненадежным. Артиллерийских коней повыпряженые — от них было больше мучения, чем толку. Кушки тянули вручную, кидая под колеса доски, вязанки камыша, а то и шинели. Лошади брали где-то отдельно в темноте. То и дело раздавалось тоскливо предсмертное ржание: видно, еще одну бедолагу затянула топь.

Страшнее всего были внезапные отчаянные выкрики:

— Тону!.. Товарищи, братцы, тону!..

Оступиться было легко, спасти из трясины трудно. Но бойцы шли вперед, с трудом вытягивали ноги из ледяной жижи — падали, поднимались и опять шли, да еще волокли за собой орудия, зарядные ящики и пулеметы.

Прожекторы на Литовском полуострове на секунду погасли, потом снова зажглись. Теперь они глядели на Сиваш. Голубые щу-



палцы опустились на темную воду, потрогали ее и поползли на восток.

Во главе колонны тяжело хлопало на ветру намокшее знамя. Перед ним, по-прежнему держась рядом, шли носатый командир проводник-крестьянин. Оба с тревогой смотрели на холодное зарево прожекторов.

Расплескивая слякоть, к ним подбежал запыхавшийся Калякин.

— Слушай, командир! Сейчас этот прожектор нас накроет. Это как пить дать.

— Залегать будем, — хмуро сказал командр.

— Это конечно. Но ложиться надо не врозь, а кучками, человек по тридцать... Тогда он не разберет, где чаклак, а где люди. Вот мне какая идея в голову бросилась...

...Прожектор задумался, потом повернулся круглым немигающим глазом на запад. Слуга — офицер в полушибке и два солдата — молча следила за движением луча.

Ничего интересного прожектор не высвятил: белесый грунт, озерца воды и черные неправильные пятна чаклаков.

...Когда, полоснув по дну Сиваша, луна ушел в высоту, одно из черных пятен защелкалось. Бойцы поднимались на ноги, как счищали грязь. Поодаль ожила другая «чаклак», еще дальше — третий.

Отряды снова срослись в колонну и снова двинулись вперед.

— Ваше благородие! — обратился пожалый солдат-прожекторист к офицеру. Обращение это было старорежимное и употреб

лялось только для приятности. — Когда нам смена будет?

— Наверно, уже скоро, — ответил офицер и полез в карман за часами. Он не успел их вынуть. Прибрежные камыши затрещали, захлюпала грязь под сапогами, и на берег полезли мокрые черные люди.

Засуетился луч обманутого прожектора, но уже было поздно. Кувыркаясь, полетели ручные гранаты, воздух шатнуло взрывами.

Офицер лежал, раскинув руки по земле. Прожектор погас. Серое его бельмо бессмысленно уставилось в небо...

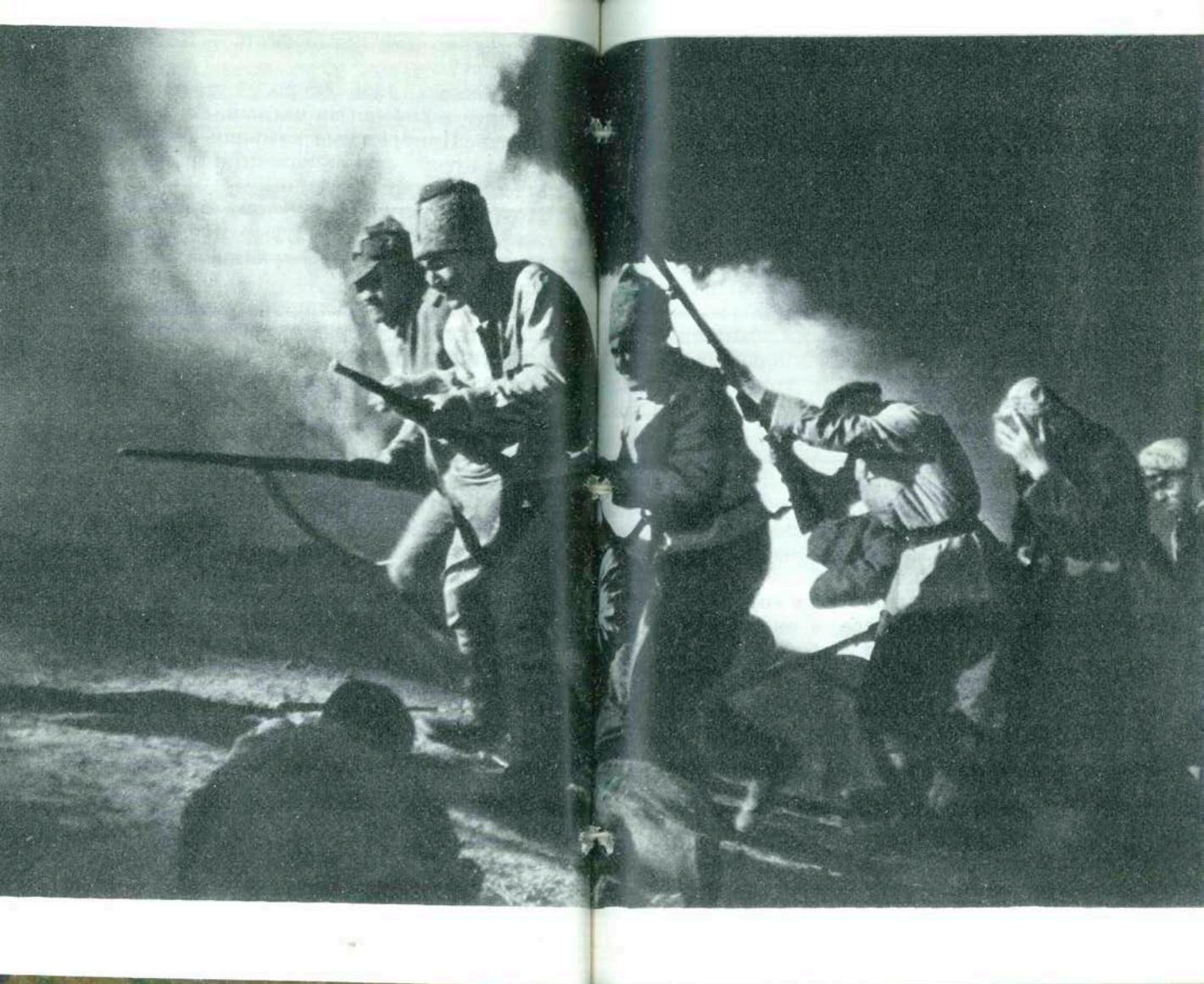
Волна атакующих дохлестнула до проволочных заграждений на берегу. Колючую паутину кромсали щипцами, рубили саперными, острыми, как секачи, лопатками, рвали голыми руками.

По ту сторону проволоки берег полого уходил вверх. Там была линия окопов, и из этих окопов по красным били винтовки и пулеметы.

Висли на проволоке, падали на землю убитые, но те, кто уцелел, продолжали штурмовать колючий частокол.

А из камышей, с Сиваша, все лезли и лезли на берег люди.

Двое пулеметчиков установили на позицию трехногий «льюис», но не успели открыть огонь: срезанные пулеметной очередью, оба одновременно ткнулись в грязь лицом. К «льюису» подбежал Некрасов — огромный и словно бы горбатый: за спиной у него висела камера. Он лег было за пулемет, но передумал; вскочил, поднял «льюис»



на руки, как винтовку, и двинулся вперед, проволоке.

Там в самой гуще атаки бесновался, ма-хал револьвером Калякин. Проволоку уж-ко почти не было видно: больше чем на полу-вину ее завалило трупами.

— Третья рота! — иступленно орал Ка-лякин. — Третья рота! Кто живые — за мной!.. — Он стал взбираться наверх — прямо по мертвым.

Тогда отважились и другие. Ни щипцы, ни лопаты, ни вязанки камыша уже не нуж-ны были бойцам. Мертвые их товарищи свои-ми телами настлали дорогу через проволоку.

Когда, перевалив на ту сторону, красные стали закидывать окопы гранатами, ког-да — оборванные, страшные — рванулись в штыковую атаку, врангелевцы не выдер-жали, стали отступать.

Андрей стоял, широко расставив ноги, и стрелял по бегущим из «льюиса», стрелял прямо с рук. Гильзы били косым фонтанчи-ком мимо его лица, тяжеленный пулемет будто молотом колотил его в грудь, руки онемели, пот заливал глаза, а он все стрелял.

Цепь наступающих бежала вверх по склону, и из пересохших глоток рвалось страшное, похожее на рыдание «ура».

Перевалив через гребень, бойцы увидели ровную, как ладонь, степь. А поперек этой степи, в сотне саженей от гребня, лежала и ждала их вторая линия врангелевских укреплений — спрятавшиеся за брустверами пушки, пулеметы, винтовки.

И все это разом обрушило огонь на ата-кующих.



Под свист осколков, под улюлюканье пуль штурмовая колонна повернула назад, сползла по склону вниз.

Только знаменосец задержался на греб-не. Он всадил древко знамени в землю, по-пробовал, крепко ли, и кубарем скатился вниз, чтобы не убило...

Калякин полз на брюхе и вертел головой, как ящерица, — выглядывал носатого коман-дира. И наконец увидел черную тужурку, длинные ноги в обмотках. Командир был мертв.

Карякин прикрыл ему лицо фуражкой, приподнялся и хрюпко закричал:

— Колонна! Слушай мою команду!..  
Окопаться! Будем ждать подкрепления...

### ШТАБ АРМИИ. 8 НОЯБРЯ.

5 час. 00 мин.

Стрекотал телеграфный аппарат. Командарм сидел на стуле, устало прикрыв глаза, и диктовал бойцу-телефрафисту:

— Командующему Южным фронтом... В нечеловеческих условиях наши части форсировали Сиваш, закрепились на Литовском полуострове. Успешному развитию операции мешает внезапно переменившийся ветер. С каждой минутой вода прибывает, препятствуя посылке подкреплений героическим бойцам штурмовых колонн. Выезжаю для принятия срочных мер на месте...

В дверях появился начштаба армии. Не оборачиваясь, командарм спросил: — Как ветер?

— По-прежнему, южных румбов... Воды все больше.

Командарм потер ладонями виски и двинулся к выходу.

Внизу, у крыльца, их ждал длинный черный «фиат». Оба в молчании уселись на скрипучие сиденья. Автомобиль тронулся.

### ЛИТОВСКИЙ ПОЛУОСТРОВ.

8 НОЯБРЯ. 5 час. 30 мин.

Проволочные заграждения, которые два часа назад брала приступом штурмовая колонна, теперь наполовину скрылись под во-

дой. Море возвратилось с востока в Сиваш и неотвратимо подбиралось к тому склону, где залегли красные бойцы.

Орудийные расчеты подтаскивали пушки повыше; раненые с помощью товарищей перебирались подальше от воды.

Карякин сидел у крохотного костерчика, подкладывая камышинки в чадящий огонь. У другого такого же костра, всего шагах в пяти, Некрасов сушил футляр своей кинокамеры.

— Некрасов! Иди сюда, — позвал Карякин. — Иди, тебе говорят! Дело есть.

Андрей неохотно встал и перешел к его костру.

— Нам тут жизни осталось всего ничего, — сказал Карякин, жмурясь от дыма. — Как рассветет, они осмелятся, пойдут в наступление... И всем нам крышка...

Андрей молча ждал продолжения.

— Ты говорил, память у тебя... как это... запоминальная, что ли?

— Феноменальная, — поправил Андрей.

— Во-во... Ты дорогу запомнил? Мог бы назад дойти, к нашим?

— Вброд?.. Наверное, смог бы, — хмуро сказал Андрей. — Там вехи есть кое-где.

— Тогда выручай. Иди к нашим, объясни: так и так, пропадают красные герои... Сидят в мокром неудобстве, смерти ждут...

Андрей задумался. Карякин, видя это, добавил просительно:

— Дело рисковое, я понимаю... Но и ты пойми — надо!

— Я не о том, — отмахнулся Андрей. — Тут на одной подводе был полевой телефон.

И катушки тоже, я видел... Дай мне человек двадцать, я тебе линию протяну. Будет связь.

— Дам! — обрадовался Карякин. — Действуй!

Андрей встал. Карякин тоже.

— Андрей! — попросил он. — Давай помиримся?.. На прощанье?

— Ну давай, — пожал плечами Андрей.

— Нет! Чтобы чин чином! — засуетился Карякин. — Ручки друг дружке пожмем... И вообще...

— Ладно, — усмехнулся Некрасов. — Держи пять.

И они пожали друг другу руки.

### СИВАШ. 8 НОЯБРЯ. 7 час. 30 мин.

На нашем берегу, в том месте, откуда штурмовая колонна начинала свой ночной поход, по-прежнему горели костры. Почти у самых костров плескалась вернувшаяся в залив вода. На берегу стояли, ждали приказа готовые к отправке отряды. Но приказа все не было.

Возле штабных автомобилей — теперь их стало уже четыре — собралось все начальство.

— Ну что ты с ней будешь делать! — ругался начдив 61-й. — Прет и прет, окаянная... Товарищ командарм! Мое предложение — идти прямо по воде... Может, брод найдем... Хотите — первым пойду!

Он закашлялся, заслоняя губы костищным кулаком.

Командарм молчал, с ненавистью разглядывая карту: адъютант разложил ее на

крыле «фиата» и для удобства подсвечивал фонарем.

Вдруг бойцы на берегу задвигались, удивленно загалдели.

Начальство повернулось на шум, а шофер «фиата» посветил фарами. Пучок желтого света лег на Сиваш, и все увидели, что к берегу бредет, по пояс в воде, человек.

Это был Некрасов. Он шел, еле переставляя ноги, мокрый, весь заплесанный грязью, с камерой за спиной и со штативом на плече.

Когда Андрей подошел ближе, стало видно, что он тянет за собой телефонный провод. К нему бросились, подхватили шнур, помогли вылезть на бугор к командарму.

Скинув на землю штатив и камеру, Андрей с трудом разогнулся и доложил:

— Товарищ командарм! Я с Литовского... Пока держимся. Ждем подкреплений... Очень ждем.

Командарм смотрел на него с уважением и даже с испугом.

— Как вам удалось пройти? — спросил он совсем не по-военному.

— Прошли... Нас двадцать человек.

— А где же остальные?

— Там. — Андрей показал в темноту. — Держат телефонный провод. Вешек не хватило...

— Понятно, — сказал командарм. — Спасибо, товарищ.

И он отвернулся от Некрасова.

Связисты на берегу уже приладили провод к ящику полевого телефона. Командарм секунду подумал, потом сказал адъютанту:



Недалеко от них связист кричал в трубку телефона: — Литовский!.. Литовский!.. Литовский!.. Слыши тебя!..

Отряды пехоты на берегу расступились, и в просеке между ними показалась кавалерия.

Безногий комбриг подбодрил мизинчиком усы и заорал во все горло:

— Вот когда мне хорошо! Вот когда ножки не промочу!

Бойцы с готовностью засмеялись командирской шутке. С плеском, с гиканьем, со ржаньем лошадей конница на рысях врезалась в воду.

#### ЛИТОВСКИЙ ПОЛУОСТРОВ. 8 НОЯБРЯ. 9 час. 00 мин.

Вода поднялась еще выше, оставив Калякину с его отрядом совсем узкую полоску прибрежного склона. Уже рассвело, и хорошо были видны подводы по ступицу в воде, пушки, нацеленные круто вверх, притулившись в окопах бойцы.

Воздух был наполнен гулом. Орудия врангелевцев стреляли непрерывно; то и дело на нашей стороне вырастали кусты взрывов — черные, если снаряды попадали в берег, белые, если они рвались в воде.

Калякин подполз к самому гребню и, уткнув подбородок в землю, смотрел, что делается у белых. На его глазах из окопов в степи полезли зеленые английские шинели, слились в сплошную линию и двинулись вперед. Четкое «ура» неторопливо перекатилось справа налево, как на ученье. Заблестели иголочки штыков. Белая пехота шла в атаку.

— Передай на Литовский: держаться до конца, держаться любой ценой. Подкрепление будет! — Он нашел глазами начальника штаба. — Приказываю: форсировать Сиваш силами восьмой кавбригады, отдельной кавбригады, третьей кавдивизии... Брод есть, трасса точно обозначена телефонным проводом — кавалерия пройдет!..

...Некрасов сидел на земле, закрыв глаза, привалившись к колесу автомобиля.

— Некрасов! — громко сказал над ним начдив 61-й. — Иди, милый, отдыхай!..

Андрей открыл глаза и тяжело встал.

— Разрешите вернуться на Литовский?

— Смотри, какой бедовый!.. Говорят тебе — иди спать!

— Амба, — с тоской сказал Калякин и сполз по склону вниз.

— Товарищи! — закричал он. — Слушай меня. Занять боевую позицию! Выкатывай орудия! Будем бить прямой наводкой... И пускай белые гады не радуются. Мы помрем сегодня, а они завтра!.. Потому что революция победит, даже несмотря на нашу гибель...

По пояс в воде стоял посреди Сиваша человек. В одной руке он сжимал винтовку, другой поддерживал телефонный провод. Саженях в тридцати от него был другой такой же человек, еще дальше — третий, четвертый... Они стояли неподвижно, будто вбитые в дно сваи, а мимо, чуть не задевая их мокрыми конскими боками, шла через Сиваш кавалерия. Конники двигались гуськом — притихшие, сосредоточенные. Только мальчик-горнист чертиком вертелся в седле: ему нравилось все странное, что происходило в эту ночь.

— Эй, мужичок! — окликнул он связиста. — Чего там по телефону гуторят?.. Тебе слыхать?

Связист, не отвечая, смотрел мимо него усталыми до беспамятства глазами.

Лошадка под горнистом вдруг нырнула в воду по шею — видно, оступилась с тропки. Она перепуганно заржала, кое-как поймала дорогу и, расплескивая грудью воду, шибко пошла вперед. Она обгоняла одного конника за другим, а мальчик смеялся и нарочно торопил ее пятками.

Четыре калякинских орудия, задыхаясь от спешки, били по белым. Тяякали «льюисы» и «максими». Бойцы, лежа плечом к плечу, палили из винтовок.

А белые цепи, почти не редея, все надвигались, и ничего с ними нельзя было поделать.

Ударил в уши гром, метнулась брызгами земля, и одна из пушек, развороченная врангелевским снарядом, заскользила вниз по склону и задом въехала в воду. Вода зашипела, поднялся пар.

Белые снова закричали «ура» и, пригнувшись, побежали вперед.

Калякин вскочил с земли и в бессильной ярости швырнул «лимонку», хотя враги были еще далеко.

— Врешь! — заорал он. — Мы еще живые!..

Тяжело топоча сапогами, врангелевцы бежали на него.

И в этот момент на бугор, туда, где стояло, покосившись, красное знамя, вылетел всадник.

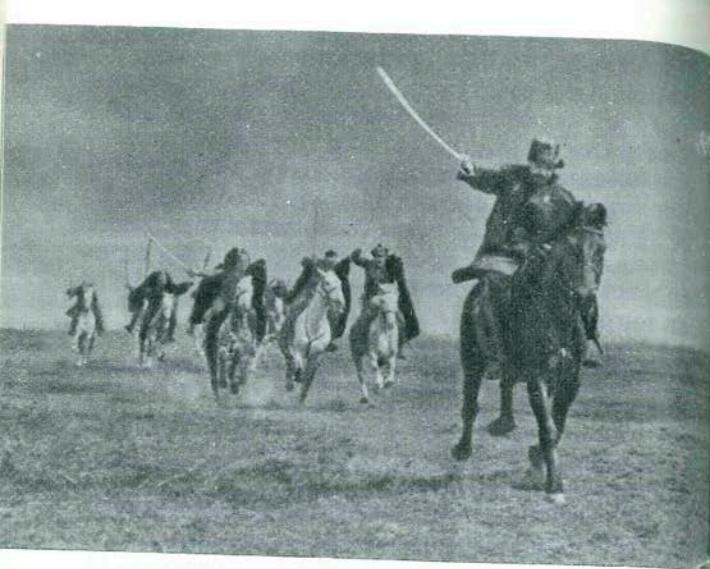
Он вскинул к небу горн, и воздух разорвала жестокая веселая трель — сигнал кавалерийской атаки.

Белая цепь дрогнула, будто споткнувшись об эти звуки. Секунда — и врангелевцы попадали на землю, залегли; с красной кавалерией шутки были плохие.

А мальчик-горнист все продолжал трубить. Калякин метнулся к нему.

— Где наши?! Где?

— А бис их знает, — сказал мальчик с досадой. — Отстали... А я все равно буду трубить!



— Слазь! — закричал Калякин и дернул горниста за ногу. — Убьют!..

— Успею, — сказал мальчик и вдруг, уронив горн, сполз прямо на руки Калякину. Его убило сразу, наповал.

Белые поняли, что сигнал горна обманул их. Цепь снова поднялась в рост, покатилась вперед, нацелившись штыками.

Вот тогда-то над гребнем показались оскаленные конские морды, засверкали шашки.

Перемахивая через окоп, через головы калякинских бойцов, конники мчались в атаку — в кавалерийскую атаку, от которой нет спасения. А сзади, словно морские чуди-

ща, лезли, лезли на берег из воды мокрые лоснящиеся кони, и всадники свирепо шпорили их, торопя в бой.

### ШТАБ АРМИИ. 8 НОЯБРЯ.

15 час. 00 мин.

На стене висела карта Крыма, и в нее были воткнуты красные флаги: три на Литовском полуострове и целая шеренга перед Турацким валом.

— Сейчас на Литовском полуострове идут ожесточенные бои. Остатки штурмовых колонн и прибывшая им на помощь конница делают героические попытки пробиться в глубь полуострова. Перебросить туда дополнительные подкрепления нет возможности... — Тут командарм сбился с привычного сухого тона и сказал вдруг с неимоверной горечью. — Всё против нас! И вода, и ветер, и холод!..

Командиры слушали в хмуром молчании. Начдив 61-й тихо покашлял и сконфузился, оттого что не смог удержаться. А командарм продолжал подчеркнуто бесстрастно:

— Только что получен приказ командующего Южным фронтом. Командюж приказывает атаковать в лоб Турацкий вал. Атаковать без малейшего промедления... Смысл этого маневра, я думаю, вам ясен. Если белые снимут мобильные части с Турацкого вала и перебросят их на Литовский полуостров, нашим там не удержаться. Значит, мы должны отвлечь все силы противника на себя. А для этого необходим лобовой удар... Призываю начать штурм в шестьнадцать поль-

ноль силами пятьдесят первой дивизии, четыреста сорок шестого и четыреста пятьдесят шестого стрелковых полков и отдельной огневой бригады. Артподготовку начать немедленно!..

Ухали трехдюймовые пушки, отпрыгивая назад при каждом выстреле. Сосредоточенно и неторопливо артиллерия красных долбила Туремский вал.

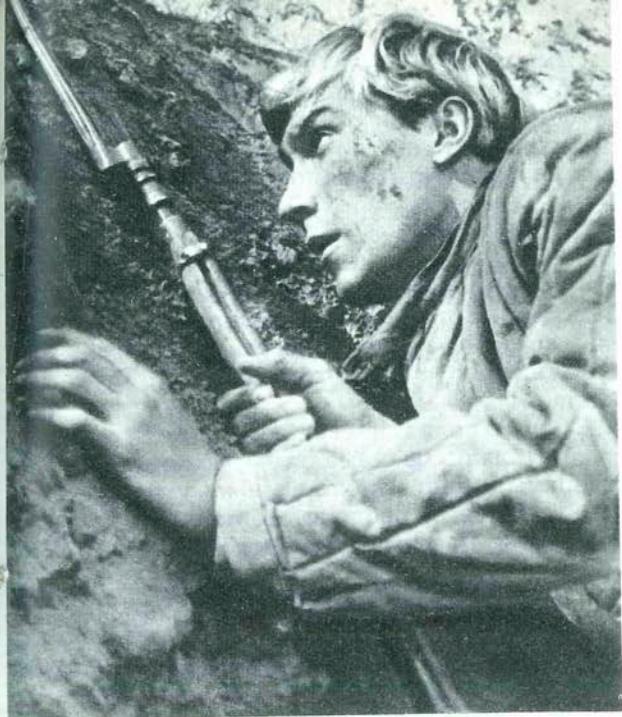
Впереди орудийных позиций лежала, прижавшись к земле, пехота, ждала своего часа. Не больше версты разделяло красных и белых. Вдали, за полосой скучной ровной земли, высился Туремский вал. Он неодобрительно смотрел на врага всеми своими бойницами, черными зрачками пушек, но пока, до поры до времени, молчал.

Андрей Некрасов пристроился со своей камерой на удобном бугорке и мерно крутил ручку, повернувшись задом к грозному Перекопскому валу. Он снимал красную артиллерию.

И вдруг все орудия разом смолкли. Стало слышно рычанье автомобильных моторов; в просветах между батареями показались броневики. Их было двенадцать. Отфыркиваясь черным дымом, бронеавтомобили пошли вперед.

Едва один из них, с надписью «Красный варяг» на боку, поравнялся с Некрасовым, крышка люка откинулась. Оттуда высунулся матрос в тельняшке и бескозырке.

— Эй, фотограф! — крикнул он Андрею. — Сымай мою личность!



И, засмеявшись, нырнул обратно в люк.

Когда броневики миновали линию окопов, с земли стала подниматься пехота. Снова загрохотали наши орудия. Было шестнадцать ноль-ноль. Штурм начался.

Что могла поделать пехота и дюжина броневиков против вооруженной до зубов крепости? Отвесная стена высотой в двенадцать аршин щетинилась, как еж иглами, стволами пушек и пулеметов. А перед стеной еще был ров пятисаженной глубины...

Но наступающие не думали об этом. Такая ярость, такая ненависть, такое желание победить толкали их вперед, что казалось — каменные стены сейчас дрогнут и попятятся назад перед этим напором.

— Ай-яй-яй, как страшно! — сказал Брусенцов. Не нагибая головы под пулями и осколками, разноголосо жужжавшими в воздухе, поручик глядел поверх бруствера — он командовал одной из батарей Турецкого вала.

Серая волна наступающих катилась вперед. Ползли бронемашины, которые отсюда сверху казались похожими на утюги.

— Ничего, ребятки, сейчас мы их успокоим, — повернулся к артиллеристам Бруsenцов.

Ребятки — бородатые старослужащие солдаты — стояли у орудий, ожидая команды. Откуда-то с правого фланга донесся протяжный свисток.

— Огонь! — крикнул Брусенцов, продолжая улыбаться. И сразу же воздух начали рвать орудийные залпы.

Красные командиры шли в атаку вместе со своими бойцами — даже командиры полков, даже начдив 61-й. С винтовкой в руках начдив бежал вперед и, задыхаясь, кричал: — Даешь Врангеля!.. Даешь Крым!

Перед его глазами вдруг мелькнули мешковинные штаны с надписью «и сынъ».

Красноармеец, на котором были эти шта-

ны, нагнувшись над убитым товарищем, высвобождал из мертвых рук винтовку.

— Некрасов, душа с тебя вон! — крикнул начдив. — А ну марш назад!

Андрей, с винтовкой в руках, разогнулся.

— У меня пленка кончилась...

— Назад, тебе сказано! Твое дело...

Начдив не договорил. Ударивший рядом снаряд вырвал землю у них из-под ног,бросил в разные стороны...

Андрей поднялся, обтер лицо рукавом. А начдив остался лежать на земле. Опустившись на корточки, Андрей приподнял его голову. Начдив силился что-то сказать и не мог. Вместо слов изо рта у него лезли розовые пузыри. Гимнастерка у самого ворота набухла кровью.

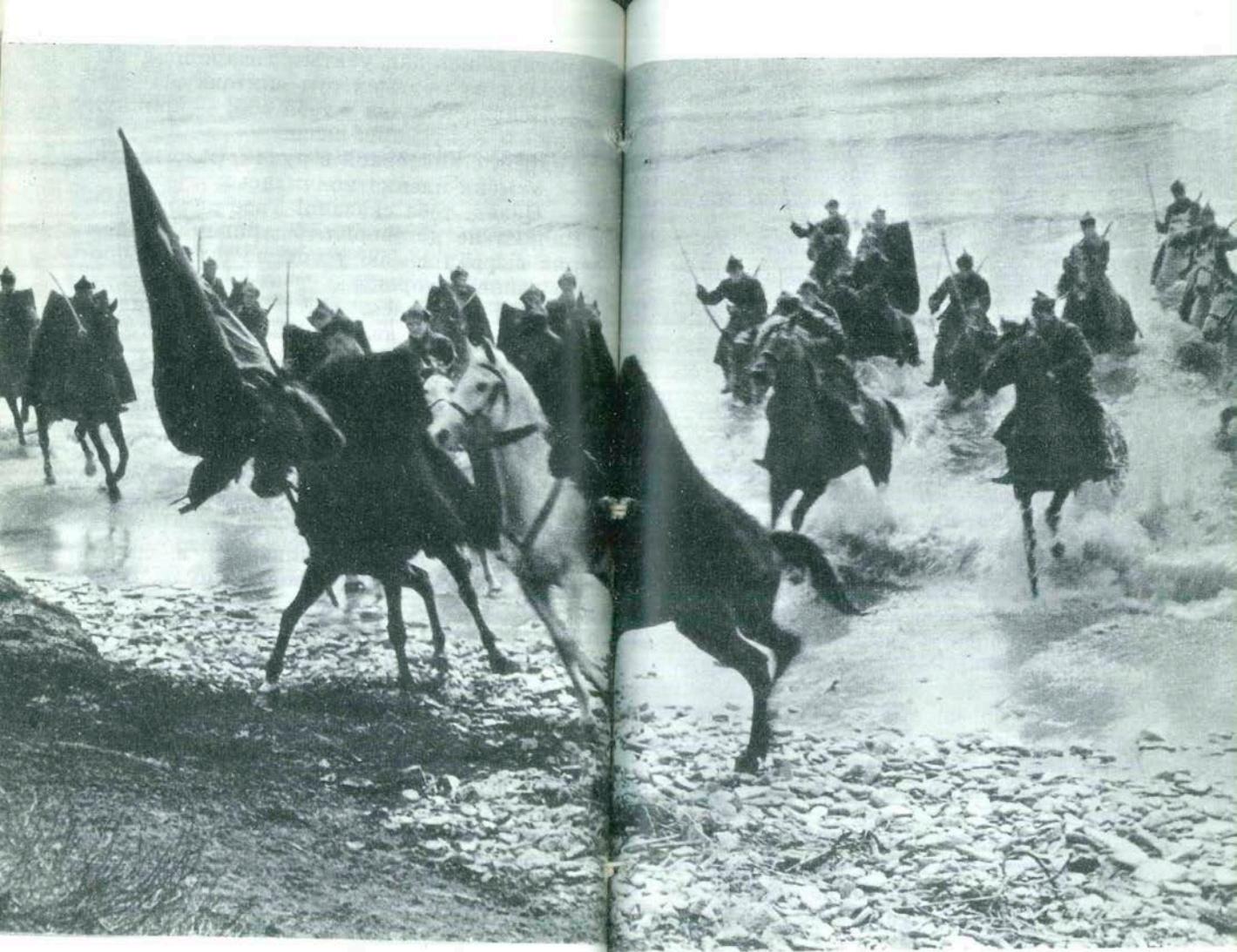
Мимо них с криком бежали в атаку бойцы. Андрей подхватил с земли винтовку и побежал вместе со всеми.

Орудийная пальба сливалась в сплошной гул. Цвиркали над головами пули. В бычий лоб броневика ударили снаряды. С тяжелым скрежетом машина повалилась набок, затрепыхались над мотором лоскуты огня.

Из люка вывалился матрос в тельняшке, закрутился волчком, сбивая с себя пламя.

С другого броневика сшибло башню. Неуклюже развернувшись, он пошел назад, к своим.

Штурм продолжался, но атакующих становилось все меньше. По обе стороны от Андрея падали бойцы: одни — чтобы хоть на время укрыться от смертельного огня, другие — насовсем утыкались мертвым лицом в пыль.



По земле словно бы молотил ливень. Крохотные ямки возникали, пропадали и появлялись снова. Сюда были пристреляны пулеметы белых, и сквозь эту свинцовую завесу пройти было нельзя. Здесь, в каких-нибудь саженях от Турецкого вала, атака захлебнулась. Бойцы повернули назад.

Андрей остановился в нерешительности. Вперед пути не было, а назад бежать не хотелось. Петляя, как будто этим можно было перехитрить пули, он резко метнулся в сторону и спрыгнул в глубокую воронку от фугаса.

Там уже было человек десять живых, почти все в черных кожаных тужурках. Андрей узнал в них — вернее, угадал — стрелков латышского полка. Здесь была и знакомая ему женщина-комиссар.

Ей бинтовали голову белой тряпкой — наверно, рукавом от чьей-то рубахи. На глазах у Андрея тряпка становилась красной, — Здесь сидеть бессмысленно, — говорила женщина слабым и решительным голосом. — Надо идти вперед.

— Наши отступили, — сказал Андрей в воздух.

— Тем более! Мы пойдем вперед, и все пойдут за нами... Товарищ Арвид, товарищ Карл, идемте.

Женщина выбралась на край воронки и расправилась во весь рост.

— За революцию! Вперед! — пронзительно закричала она и побежала, вернее, пошла, потому что бежать у нее не было сил.

Латыши молча двинулись за ней, Андрей — за ними.



Счастье улыбнулось этой странной и отчаянной женщине. Брангелевские пулеметы молчали, потому что стрелять сейчас было не по кому: красные откатились далеко назад.

Поддерживая своего комиссара под руки, латыши что было сил побежали вперед. Пулеметы белых, спожавшись, снова зататали, замолотили пулями по земле. Но только поздно: латыши и Андрей уже были в мертвой зоне, слишком близко к стене, чтобы их могли зацепить пули. Лишь двое в черных тужурках остались лежать, пришитые к земле свинцовой очередью.

Остальные скатились в глубокий ров и прижались к стене Турецкого вала. Андрей огляделся.

Латыши хлопотали над женщиной-комиссаром: во время перебежки ее снова ранило.

— Товарищ,— едва слышно сказала она Андрею.— Я тебя помню. Я тебя где-то видела... Скажи — за нами пошли?.. Атака про должается?

— Да, да... конечно,— ответил Андрей.

Женщина гордо улыбнулась и закрыла глаза.

Батарея Брусенцова — как и все батареи на Турецком валу — получила передышку. Сам поручик сидел на подножке орудийного передка, курил папироску и смотрел, как солдаты прибирают стреляные гильзы, чистят после боя орудия.

— Четвериков! — сказал поручик без злобно.— Это ж дальномер, деликатный при-

бор... Как ты с ним обращаешься? Ты что, готтентот?

— Не, — ответил рябоватый солдат. — Вятский я...

Брусенцов улыбнулся.

— Вятские — ребята хватские... Семеро одного не боятся, попадись он сонный да связанный...

Артиллеристы охотно посмеялись — не старой этой прибаутке, а чтобы сделать приятное поручику. Они с ним ладили.

Вдоль бруствера шли, спеша куда-то, два генерала и молодой щеголеватый полковник. Наткнувшись взглядом на Бруsenцова, полковник Васильчиков замедлил шаг, а потом и вовсе остановился.

— Поручик, можно вас на минутку?

Бруsenцов узнал его сразу. Нарочно помедлив, он встал и, не бросая папиросу, пошел к полковнику.

— Сегодня ночью красные форсировали Сиваш,— сказал Васильчиков.

Бруsenцов покачал головой.

— Какой сюрприз, а? Кто бы мог подумать!

— Да бросьте вы,— поморщился полковник.— Ну, проспал, ну, профукал... Режьте меня на куски.

Поручик, не мигая, смотрел на него, ждал, что будет дальше.

— Сейчас в штабе дебаты,— продолжал Васильчиков.— Нужно ли снимать отсюда артиллерию, пехоту и посыпать на Литовский полуостров.

Бруsenцов бросил папиросу и затоптал ее каблуком.



Уже стемнело. Маленький отряд, прорвавшийся к подножью Турацкого вала, ждал, не начнется ли новый штурм. Но все было тихо. Андрей и латыши сидели, привалившись спинами к каменной стене, а женщина-комиссар лежала на дне рва, и лицо ее было прикрыто кожаной тужуркой.

Вверху, надо рвом, встречаясь и снова расходясь, медленно, как часовые, прохаживались лучи прожекторов. Они освещали равнину, лежавшую между белыми и красными.

Один из латышей сказал в воздух:

— Так сидеть холодно. Что можно делать?

Никто не ответил. Тогда заговорил Андрей: он понимал, что отряду нужен начальник.

— Назад нам не пробиться. Стало быть, надо идти вперед.

— Куда вперед? На стенку? — спросил Арвид.

Андрей встал. Латыши один за другим тоже поднялись с земли.

— Сейчас пойдем налево, — сказал Некрасов. — Вдоль стены...

— А потом?

— Потом увидите... Только тихо. Винтовками, гранатами не брякать.

...Левый фас Турацкого вала упирался в Перекопский залив. И там, где у самой воды кончался ров, начиналось проволочное заграждение. Колючий забор уходил далеко в море.

— Этую проволоку я с воздуха видел, — сказал Андрей. — Если идти вброд, мы ее обогнем. И выйдем в тыл к белым.

— Тришкин кафтан, — сказал он со злобой. — Ну, пошлем подкрепление. Там залатаем — тут пузо голое... Еще один штурм — и они нас отсюда выбьют. А сидеть тут со всеми силами тоже глупо. Они через Литовский, с черного хода, все равно до нас доберутся.

— Ну конечно же! — Полковник хлестнул себя варежкой по колену. — Надо к Юшуни отходить, пока не поздно!.. Но в штабе-то у нас одни рамолики, ядри их палку... Попробуй им докажи!

Они помолчали еще немного и разошлись в разные стороны. Полковник Васильчиков пошел к своим генералам, Брусенцов к своим солдатам.

— А дальше? — бесстрастно спросил Арвид. Андрей ответил не сразу. Собой ему случалось рисковать часто. А вот чужими жизнями он распоряжался в первый раз.

— Дальше — как получится, — сказал он наконец. — Все равно мы в мышеловке... А приказ был — атаковать любой ценой. Вот и будем атаковать.

— Значит, на смерть ведешь? — уточнил Арвид и вдруг, к удивлению Андрея, улыбнулся. — Зря мы тебя тогда не расстреляли... — И тут же серьезно объяснил: — Это шутка... Мы с тобой пойдем.

...По пояс в воде Андрей шел вдоль колючей проволоки, остальные шлепали за ним. Время от времени кто-нибудь, оступившись, хватался за проволоку, и тогда слышалась приглушенная латышская ругань.

С каждым шагом идти становилось все труднее. Некрасову стало уже по грудь, другим, кто был меньше ростом, — по шею. Руки у всех были подняты над головой, чтобы не замочить винтовки и гранаты. А треклятая проволока все не кончалась. Андрей с беспокойством оглянулся на своих латышей.

— Ну как? Еще немножко пройдете?

Низкорослый Арвид открыл было рот, чтобы ответить, но захлебнулся и пустил пузыри. Тогда он просто кивнул головой: мол, все в порядке, пройдем.

Шага через три Андрей опять обернулся и объявил громким от радости голосом:

— Всё! Проволоке конец.

Друг за дружкой, осторожно придерживаясь за склизкие колья, бойцы стали перебираться на ту сторону.

...Стараясь не греметь оружием, латыши вылезали на врангелевский берег. Неуклюжие от усталости и холода, в мокрых лоснящихся куртках, они были похожи на тюлени. Они и отфыркивались, как тюлени.

Андрей выбрался на берег последним. Поглядел и скрипнул зубами от досады. Впереди опять была стена. Не такая ровная и крутая, как с фронта, но все равно непонятно было, как на нее взобраться. Сажени на три вверх она шла отвесно и только потом переходила в откос.

Латыши молча смотрели на Андрея. Он был за командира, ему предстояло решать. Подумав, Андрей распорядился:

— Всем снять пояса... У кого на винтовках штыки — давайте мне.

...Стоя на плечах у Арвида, Некрасов с натугой всаживал штык в трещину между камнями. Попробовав рукой, выдергит ли, он, ухватившись за выступ стены, подтянулся и встал ногами на штык. Вокруг туловища у Андрея была намотана самодельная веревка — сцепленные вместе солдатские пояса. А из-за пазухи торчали еще три штыка. Осторожно вытянув один из них, он стал втискивать штык в подходящую щель повыше.

...Все четыре штыка торчали из стены, образуя неровную лесенку. Андрей уже поднялся на скат стены и теперь лежал, уперев пятки в камень, держа обеими руками конец своей веревки из поясов. Придерживаясь за эту веревку, по штыкам-ступенькам взбиралась на стену латыши. Когда последний из них оказался наверху, Андрей, тяжело отдуваясь, поднялся с земли.

Отсюда без особых усилий можно было взойти на Турацкий вал. Пока латыши затягивали на себе пояса, насаживали штыки на стволы винтовок, Андрей говорил:

— Боевое задание такое. Делать как можно больше шума — стрелять, кидать гранаты. Пускай думают, что целый полк прорвался... Кто метко стреляет — бейте по прожекторам. Может, в суматохе закрепимся, продержимся сколько-нибудь...

Латыши поговорили между собой по-своему, потом один из них, Ян, сказал Андрею:

— Помнишь, ты просил покурить перед смертью? Теперь мы у тебя попросим. Даешь?

— Я некурящий, — виновато ответил Некрасов.

— Но ты тогда курил?

Андрей усмехнулся.

— Бросил... И вам советую. Дольше проживете.

Повернувшись, Андрей полез вверх по склону. Бойцы двинулись за ним. Когда до площадки Турацкого вала оставалось несколько саженей, Некрасов поднял над головой гранату и, заорав: «Ура!» — швырнул ее как мог дальше. За ней полетели другие гранаты, латыши подхватили «ура» и, стреляя наугад, взбежали на Турацкий вал.

К их удивлению, в ответ не раздалось ни одного выстрела. Грозная крепость была пуста. Только прожекторы, странно неподвижные, продолжали светить в сторону красных да тяжелые морские пушки по-прежнему целились на север.

— Спят они, что ли? — пробормотал Андрей в полной растерянности.

Если белые спали, то очень крепко — никто не вышел на шум.

...Блиндаж полковника Васильчикова был пуст. Дверь распахнулась. Вошли Андрей и Арвид.

— Все удрали. — Андрей попробовал рукой серебряный кофейник на столе. — И совсем недавно. Кофе еще теплый...

— Теплый? Это хорошо, — сказал Арвид. Он налил себе чашечку и выпил одним глотком.

...Два латышских стрелка кромсали полотнище огромного трехцветного флага. Белую и синюю полосы они оторвали совсем и кинули на землю. Осталась одна красная — узкая, как морской вымпел.

Это красное знамя латыши укрепили на бруствере, в ясном луче прожектора.

...В полуверсте от них, над окопами, где теперь залегли красные, понеслось радостное «ура».

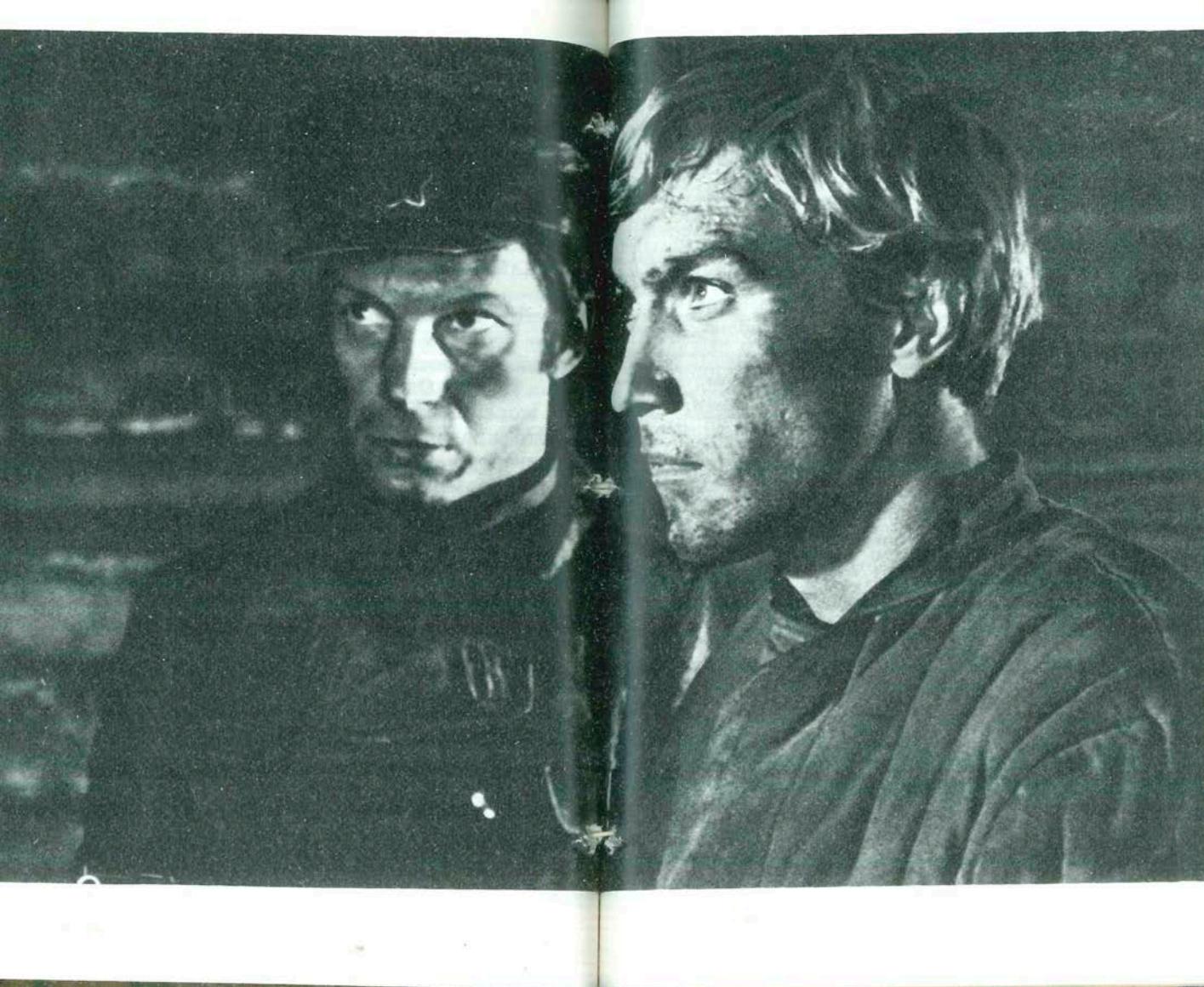
Цепь за цепью поднимались бойцы, бросались вперед к Турацкому валу, над которым полыхало знамя победы.

...На своем наблюдательном пункте стоял командарм. Адъютант, волнуясь, подал ему бинокль.

В бинокль был виден красный узенький флаг над вражеской крепостью, а под ним — машущие руками черные фигурки на бруствере.

Улыбка сняла тревогу и усталость с лица командарма.

— Белые отошли, — сказал он адъютанту. — Отступили, видимо, к Юшуни... Это хорошо.



## ЮШУНЬ. 10 НОЯБРЯ.

По степи шли цепи красной пехоты. Они шли не стреляя, потому что до противника было еще далеко. Укрывшись в ложбинках и оврагах Юшунских дефиле, врангелевцы обстреливали наших из орудий. Поднимались над землей черные букеты взрывов, ныла в воздухе шрапнель.

А наши все шли и шли вперед, мерно и сосредоточенно, словно косцы, у которых впереди еще много работы.

За ними следил внимательным глазом «Пате». Штатив прочно уперся в землю острыми железными копытцами; сгорбившись над камерой, Андрей крутил ручку. Это был, наверное, последний бой перед полной победой, и его надо было снять.

Артиллерия белых вдруг замолчала. Далеко-далеко, на границе между степью и небом, появилась черная кромка. С каждой секундой она становилась все различимей, зазубривалась, распадалась на черные пятнышки. Это врангелевская кавалерия пошла в контратаку.

Красные цепи остановились, залегли. Пробежали вперед пулеметные расчеты, волоча за собой «максими».

А вражеская конница стремительно приближалась. Это была Астраханско-Терская бригада. В лохматых черных папахах, с пиками, выставленными вперед, летели в бой всадники, и черным вороном летела за каждым его бурка.

Застрекотали пулеметы, защелкали винтовочные выстрелы, но не под силу было

пехотинцам остановить кавалерийскую атаку. И тогда из лога за спиной у пехоты вынеслись красные конники. Узкий их строй растекся, захлестнул степь во всю ширь. Громыхало конармейское «ура», и ветер вгонял его обратно в глотки — так шибко мчались конники.

А терцы скакали навстречу нашим с улюлюканьем, с протяжным восточным визгом.

Вспыхивали на солнце шашки, дымила пыль. Две кавалерийские лавы шли друг другу навстречу, как два степных пожара. И сошлись, сшиблись посреди широкого поля.

Андрей крутил ручку своего «Пате». Вокруг человеческими голосами кричали раненые кони, нечеловечески взвизгивали терцы. Хлопали выстрелы, трещали, ломаясь, пики.

Сражение раскололось на множество скваток, погонь и поединков.

Прямо перед собой Некрасов вдруг увидел гнутую молнию шашки. На него летел белый казак.

Андрей бухнулся на спину, успев дернуть на себя кинокамеру. Заданные пики штатива нацелились остриями в лошадиную морду.

Всхрапнув, конь шарахнулся в сторону. Казак, свесившись с седла, рубанул по ножкам штатива, потом второй раз, потом третий. При каждом ударе он натужно гакал и был похож на лесоруба, которому надо скорее обрубить сучья, чтобы добраться до ствола.

Лежа на спине, Андрей нашарил у пояса маузер и выпустил четыре пули в квадрат-

ную черную бороду, в оскаленное лицо казака. Казак завалился набок, а конь, которого уже не удерживали на месте жесткие поводья, поскакал, мотая головой, в степь.

Андрей встал, поднял камеру и только потом огляделся. Теперь на поле боя все было по-другому. Черные бурки уходили, откуда пришли, а конармейцы летели вдогонку. Поднялась красная пехота, тоже побежала вперед.

— Сдавайся, вражья душа! — гаркнул над Некрасовым чей-то голос.

Андрей вздрогнул, вжал голову в плечи — и увидел улыбающегося Карякина. Тот чурбаком свалился с седла, обнял Андрея и стал трясти.

— Здорово, Андрюха! Здорово, друг душевный!

Андрей хмыкнул, потом улыбнулся, потом радостно захохотал и хлопнул Карякина по спине.

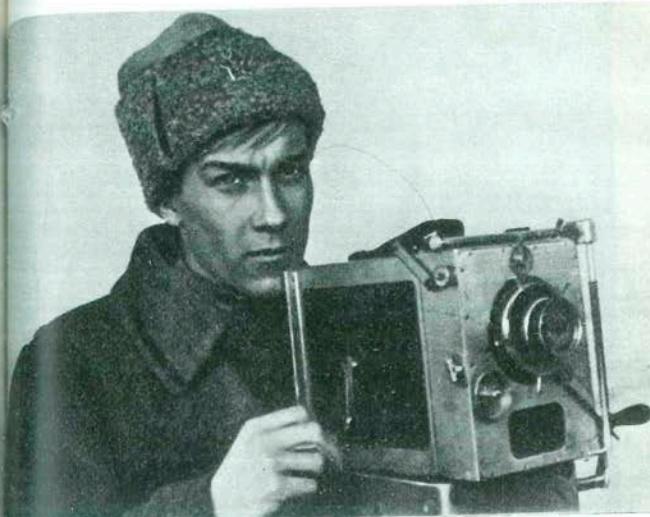
Иван даже присел, но все равно продолжал тараторить:

— Эта четвероногая мне всю сиденью повредила!.. Такая шершавая — как на рашпиля сидел! — Он потопал ногами, разминаясь. — Ах, Андрюша, до чего же мы геройски воевали!.. Прямо героически!.. А ты-то как без меня?

— Вот, жив, — сообщил Андрей. — Ты, значит, теперь командир?

Карякин на секунду погрустнел.

— Над кем я командир? Все мое войско поубивало... Буду обратно при тебе. Теперь мы с тобой неразлучные, как два пальчика на одной ручке... — И вдруг Карякин сплюхва-

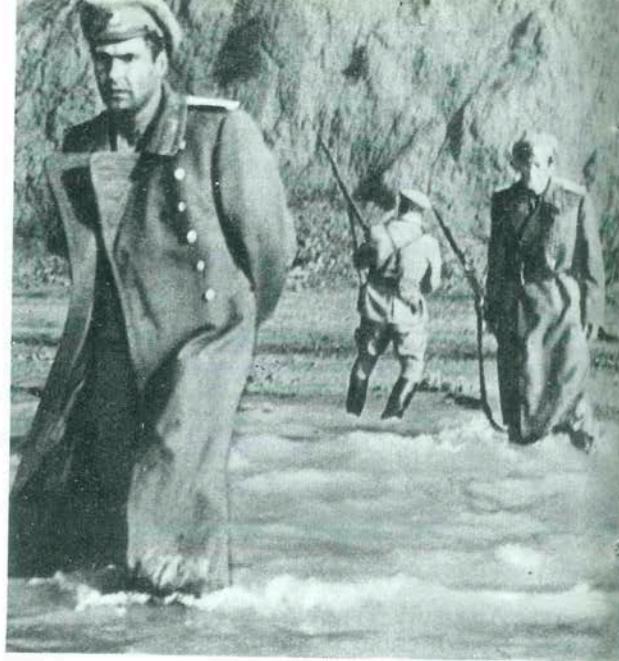


тился. — Андрей! Ты чего стоишь, ухи развесил?.. Крути свою бандуру, сымай! Драпают беляки!

...На берегу Каркинитского залива офицерская рота отстреливалась от наступающей конницы. Деваться было некуда. Сзади тяжело дышало море, а спереди, охватывая берег подковой, напирали красные эскадроны.

Ротой командовал полковник Васильчиков. Прапорщики, поручики, капитаны были у него за рядовых. Стоя по колено в воде, лицом к берегу, они стреляли из винтовок расчетливо и метко.

Но все равно, конники стремительно приближались. Первым вылетел на прибрежную гальку молодой комэск.



— А ну сдавайтесь!.. Все одно вам хана! — заорал он, вертя лошадь под пулями.

Полковник Васильчиков беззвучно выругался, выстрелил в комэска и не попал. Больше у него патронов не было. Бросив винтовку, полковник повернулся и зашагал в море. Его небритое лицо было каменно спокойно, как у сумасшедшего.

Остальные офицеры, пятясь, пошли за ним. На ходу они отстреливались, но красные теперь даже не отвечали. Остановив коней у белой пены прибоя, они смотрели в

изумлении, как все дальше и дальше уходят в воду люди в английских шинелях.

Плыть офицерам было некуда, да и не поплыешь в тяжелом обмундировании по ледяной воде. Просто им хотелось умереть красиво.

Вот уже прекратилась стрельба... Скрылись в воде золотые погоны, только головы торчат над водой... А вот уже и ничего не стало видно. Только десяток фуражек покачивается на плоской волне.

Комэск покачал головой, сплюнул в море и повернулся коня.

## ДЖАНКОЙ. 11 НОЯБРЯ

Карякин сидел подбоченясь на своей пузатой лошадке. В руке у него была шашка с махровым офицерским темляком, на груди болтался бинокль. Лошадь стояла смирно и равнодушно. Стрекотала камера. Андрей снимал своего друга для истории.

— Теперь я тебя, — сказал Карякин, скосив на землю и загоняя шашку в ножны. Андрей пожал плечами и пошел к лошадке.

— Ладно, снимай.

— Ты влезь! — попросил Карякин. — Шашку возьми, биноклю...

— И так хорошо.

Карякин отдал шашку и бинокль терпеливо ожидающему рядом кавалеристу. Тот отъехал, а Карякин стал суетиться около камеры. Ожидая, Андрей потихоньку гудел:

— Вот пудя пролетела, и товарищ мой упал... Ему я руку протянул, он руку не берет...

— Брось,— уныло сказал Калякин.— Эта песня паскудная. Ты на меня будешь кличешь?

— И это говорит сознательный боец!

— А все равно не пой. Сколько тебя разозлить просить?

По дороге и по степи вдоль дороги двигались мимо них наступающие части — артиллерия, пехота, тачанки. Красная Армия вступала в Крым.

А в обратную сторону, к тылам, везли трофейное имущество, гнали плленных врангелевцев. Конвоиры и сами были в трофеином — в английских шинелях со споротыми погонами. Вот сапогами не все успели разжиться. Кое-кто топал в лаптях.

Окончив съемку, Калякин зачехлил камеру. Они с Андреем навьючили свое имущество на лошадку и двинулись вместе со всеми по военной дороге.

— Во морды поняели! Ширше задницы, — злобно сказал Калякин, разглядывая идущих навстречу плленных. — И чего с ними возжаются? Эх, не я начальник! Я бы их всех пострелял...

— Бодливой корове бог рог не дает.

— Вот опять ты с подковырками своими, — рассердился Калякин. — С прибаутками всякими... Беляков пожалел?.. Зачем же ты за Советскую власть воюешь? Нет у тебя к ней преданности!

— Этого ты не знаешь. И не лезь.

— Как это — не знаю? Очень даже знаю!.. Вот я — я чего думаю, то говорю. И каждый-всякий понимает: у Калякина за революцию сердечко горит!.. А по твоему разговору ничего не понятно. Отчего это так?

— Разные бывают люди, — пожал плечами Андрей. — Разные характеры, разные темпераменты...

— Чего?

— Один восторженный, другой спокойный... Один сангвиник, а другой флегматик... Или там меланхолик. Нельзя же их равнять!

Калякин растерялся от вороха незнакомых слов. — Это раньше так было, — сказал он, секунду подумав. — А теперь хватит! Теперь все равны.

...Местность переменилась. Степь горбилась холмиками, западала в балки и овражки. Андрей и Калякин держали путь к деревне, которая начиналась впереди на пригорке. Недовольные друг другом, они шли один справа, другой слева от лошади.

Калякин, который не умел долго молчать, обежал конягу и пошел рядом с Андреем.

— Тут есть такая ягода — виноград. Ты ее кушал?

Андрей кивнул.

— А мне не привелось.. Она сырная?

И вдруг Калякин осекся. Глядя куда-то вбок, он отцепил притороченную к седлу винтовку.

— Ты что? — спросил Андрей.

Калякин лязгнул затвором, досыпая патрон в ствол.

— Сейчас я его, гада, ликвидирую...

Некрасов посмотрел в ту сторону, куда указывала железным пальцем трехлинейка, и сразу же пригнулся ствол винтовки к земле.

К ветряку на холме шли два крестьянина — в тулуках, в мохнатых шапках. В одногом из них и целился Калякин.



— Спятил?

— Ничего не спятил, — огрызнулся Каракин. — Ты замечай: вон тот, левый, — видишь, как он идет? У него выходка не мухицкая... Одной рукой отмахивает, а другая на боку, будто гвоздем прибитая. Сразу видно — офицер! Привык рукой шашку придерживать.

Некрасов прищурившись глядел на крестьян. Действительно, было в них что-то не понятное.

— Нет, — сказал Андрей все-таки. — Так нельзя...

— В офицера-то?

— А если он не офицер?

...Двое в тулуках неторопливо подошли к мельнице и скрылись в дверях. Один был поручик Брусенцов, другой, моложавый, тоже офицер. Под расстегнутым туалупом блестели золотые пуговицы, виднелась портупея.

Теперь, когда их никто не мог видеть, оба заторопились. Тот, что был помоложе, вытащил из ларя винтовку со снайперским прицелом и солдатский заплечный мешок. Брусенцов глянул сквозь щель в дощатой стенке, на месте ли кони.

Абрек и еще одна лошадь топтались за мельницей у коновязи.

Почуяв хозяина, Абрек ласково заржал и потянулся к нему.

Молодой офицер, присев на корточки, увязывал мешок.

— Побыстрей, товарищ Краузе, — скомандовал Бруsenцов.

— Да бросьте вы, — жалобно сказал Краузе. — Что за глупые шутки?

— Привыкайте, товарищ барон! Мы с вами на красной территории, в Совдепии... — И Брусенцов с удовольствием повторил: — Товарищ барон фон дер Краузе. — Он взял винтовку Краузе, проверил магазин и спросил: — Зачем она вам? Тут один патрон.

— Я оставил последний патрон для себя, — застенчиво признался Краузе.

— Похвально. И главное, снайперский прицел, чтоб не промазать... Эх, товарищ Краузе, товарищ Краузе!.. Для вас-то уж у красных всегда патрон найдется.

Он отошел к оконцу, высунул ствол винтовки наружу и стал целиться.

— Что вы придумали?!

— Зачем пуле пропадать?.. Хоть одного пристрелю напоследок.

Губы у поручика дергались, лицо побелело.

— Ползут... Расползлись по земле, как вши... Вши тифозные!..

Он прижался глазом к окуляру оптического прицела.

По дороге уходили от мельницы два красноармейца — большой и низенький. Низенький вел на поводу лошадь.

Краузе попытался оттащить Брусенцова от окна. — Не надо... Александр Никитич, вы нас погубите!..

— Отойди, дурак! — бешено заорал Брусенцов.

Черный крест прицела отметил большого красноармейца, потом, помедлив, двинулся к низенькому. Но низенький не шел спокойно, а все время елозил и махал руками — видимо, что-то доказывал своему попутчику.



кам торопливую стрельбу. Стреляли пехотинцы, стреляли с тачанок.

Брусенцов и Краузе, пригнувшись пониже, скакали к длинному глубокому логу. Их тулупы нелепо хлопали на ветру.

Когда до лога оставалось шагов десять, Краузе дернулся и вылетел из седла. А Брусенцов, колотя Абрека каблуками, домчался до оврага и вместе с конем нырнул вниз.

Отбросив винтовку, Калякин тормошил Андрея. Тот сидел, зажав обеими ладонями живот; между пальцами текли черные струйки. Пуля попала в спину и вышла возле пряжки ремня.

— Андрюша! — кричал Калякин.— Андрюша, ты живой?..

Андрей не мог ответить ни слова, только тяжело дышал.

— Сердечный ты мой... Ты не бойся... Я тебя в лазарет...

Некрасов вдруг сказал внятно:

— Кровь... тяжелая... не удержать...

— Удержу!.. Удержу!.. Не бойся, — бесмысленно повторял Иван, а сам уже ловил постромки проезжающей тачанки.

Некрасова подняли, положили на солому. Калякин вырвал у ездового вожжи и погнал коней вскачь.

Он хлестал коней, а сам плакал от злобы и горя.

#### СЕВАСТОПОЛЬ. 14 НОЯБРЯ

По улице все двигалось в одну сторону — пешеходы с узлами и чемоданами, пролетки, коляски, телеги, набитые вещами и людьми. А из порта, торопя беженцев, доносился

Крест прицела двинулся обратно и опять перечеркнул большого. Стукнул выстрел...

Андрей сел на землю. Калякин в растерянности глядел на него. Потом повернулся к мельнице, откуда был выстрел и увидел двух верховых. Во весь опор они мчали в степь.

Калякин пронзительно закричал, схватил винтовку и выпустил вслед верховым всю обойму, но из-за дальности не попал. Другие, кто был на дороге, тоже открыли по всадни-

взволнованный многоголосый вой пароходных сирен.

Окна подвалов были распахнуты. Те, кто там жил, никуда не спешили. В злорадном молчании смотрели они, как жильцы вторых и третьих этажей удирают из города, удаляются из России.

...В двери маленькой церкви дубасил кулаком поручик Брусенцов. Он снова был в форме, при шашке, с пистолетом в желтой кобуре. Рядом стояла Саша и растерянно повторяла:

— Не надо, я тебя умоляю... Зачем? Ну зачем?

Двери наконец приоткрылись. Старенький священник спросил испуганно:

— Что вам угодно?

— Нам угодно обвенчаться, — сказал Брусенцов.

Священнику показалось, что он ослышался.

— Как вы сказали?

— Обвенчаться. И давайте, батюшка, поскорее.

Сашенька опять попросила:

— Уйдем, Саша... Пожалуйста.

Но Брусенцов отодвинул священника плечом и вошел в полутемную церковь, не отпуская Сашиной руки.

— Делайте, что вам говорят, батюшка... А то ведь я вас пристрелю. В божьем храме.

Эта бессмысленная угроза не испугала старика.

— Ах, глупости какие... Не могу я вас обвенчать и не стану. И дьякона даже нету — я один. Все разбежались!..

— Мы тут торгуемся, — озлобляясь все больше, сказал Брусенцов. — А там последние пароходы отчаливают... Я должен поспеть, ясно вам?

Блеклые глазки священника зажглись вдруг интересом и надеждой.

— Молодой человек, — сказал он. — А ежели я вас повенчу, вы меня с собой возьмете?.. Посадите на пароход?

— Посажу, посажу, — брезгливо пообещал Брусенцов.

...Сашенька и Брусенцов с тусклыми горящими свечами в руках стояли перед аналоем. Священник, как был — без ризы, без камилавки, — торопливо бормотал:

— Призри на раба твоего Александра и на рабу твою Александру и утверди обручение их в вере и единомыслии, и истине, и любви...

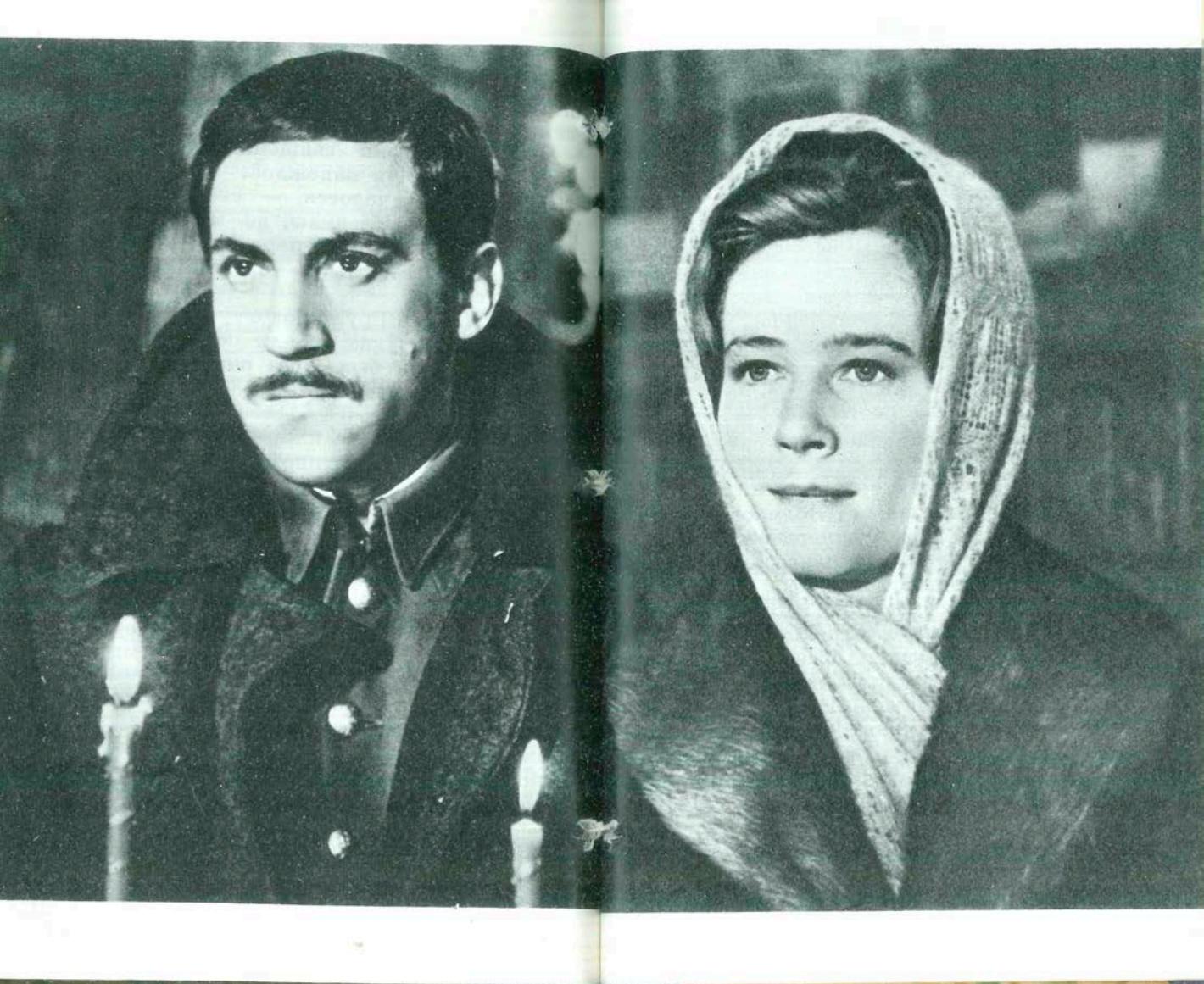
А Саша, чуть не плача, шепотом говорила Брусенцову:

— Ну объясни: зачем это тебе нужно? Ты же меня ни капельки не любишь...

— Нужно. И тебе и мне... Я тебя люблю! — раздраженно шептал в ответ Брусенцов. — Пускай все летит к чертовой матери, но хоть это будет нерушимо!..

— Сего ради прилепится человек к жене, будет два в плоть едину, — жужжал свое батюшка. — О еже возвеселится им видением сынов и дщерей...

Воем сирен, криком и ошалелым метанием людей Севастопольский порт был похож на тонущий огромный корабль. И словно



шлюпки от тонущего корабля, торопились отойти от мола переполненные пароходы.

Военные и штатские, мужчины и женщины смешались в одну кашу. Никому уже не нужные пушки, сундуки, несгораемые шкафы, барабаны военного оркестра, зеркала-трюмо, баулы, корзины, чемоданы загромоздили пристань. Люди натыкались на брошенные вещи, чертяхаясь, перешагивали через них. Через упавших тоже перешагивали и снова устремлялись вперед. Но чем ближе к молу, тем труднее становилось продвижение. Отчаливали последние пароходы — самые последние — и около сходен толпа сбилась так туго, что протиснуться не было никакой возможности.

На пароход «Валенсия» сейчас грузили маленьких кадет — стрижених, лопоухих, в серых мундирчиках с погонами. Некоторые плакали — от страха, от толчков, от вражебного рева толпы. Офицеры-воспитатели с шашками наголо и с револьверами отжимали от сходен людское месиво.

...Сашенька, священник и Брусенцов пробивали себе дорогу к пароходу «Валенсия». Поручик вел в поводу Абрека. Увидев перед собой сплошную стену из человеческих спин, Сашенька остановилась. Остановились и Брусенцов со священником.

К ним сейчас же подошел мальчик лет семи в бархатной курточке с белым отложным воротником и сбитым набок бантом. За руку он держал пятилетнюю сестренку.

— Господа, — сказал мальчик. — Вы не видели нашу маму? Корсунскую Веру Петровну.



Наверное, он уже многих так спрашивал, и никто ему не помог. Не помогли и Саша с Бруsenцовыми. Постояв чуть-чуть, дети отошли. Священник вздохнул им вслед и неловко поежился.

Сашенька опустилась на какой-то ящик.

— Что такое? — удивился Брусенцов.

— Саша, это невозможно... Давай никуда не поедем.

— Ты что, нарочно меня дразнишь?

— Здесь страшно, очень страшно... Но там будет еще страшнее... В чужой стране всегда будет плохо!

— Идиотка! — закричал поручик, срываясь. — Эта... Эта страна чужая! Самая чужая!.. Чужее Африки!



Саша заплакала и подняла к нему мокрое лицо.

— А эти кто? Свои? Погляди на них!.. Ну погляди!

Брусенцов уже взял себя в руки.

— Сашенька, это у тебя истерика,— сказал он как мог мягче.— От усталости...

Неподалеку давешний мальчик спрашивал кого-то:

— Господа, вы не видели нашу маму?

Вдруг не то крик, не то стон разочарования пронесся над толпой. Это «Валенсия» убрала мостки.

И сейчас же толпа стала редеть, рассеиваться — люди побежали искать, нет ли где еще парохода, катера, лодки...

Брусенцов напружинился, напрягся, по-

том сунул поводья Абрека священнику и кинулся вперед к причалу.

Кучка солдат, странно равнодушная среди общей суеты, глядела на отваливающую от пирса «Валенсию».

— Братцы! — крикнул Бруsenцов. — А ну, кто хочет уехать?

Никто не отозвался. Потом кто-то из солдат, решившись, сказал:

— Да мы оставаться надумали... Все одно нехорошо.

— Все остаетесь? — спросил Бруsenцов, задожнувшись от ненависти.— Все?

Тroe солдат отдалились от остальных.

— Мы ба поехали...

И Бруsenцов сразу успокоился.

— Тогда так... Заряжай орудие, наводи на пароход.— Он показал на одну из брошенных пушек, ствол которой уставился в море.— Живо!

Солдаты в недоумении пошли к пушке, открыли зарядный ящик.

А поручик сделал из ладоней рупор и надсаживая глотку заорал вслед «Валенсии»:

— Эй, вы! Причаливай обратно!.. Считаю до трех, открываю огонь!

Солдаты — и те, кто оставался, и те, что хотели ехать,— злорадно загоготали. Не дожидаясь команды, один из них дернул шнур; пушка выпалила, и снаряд гудя пронесся мимо парохода.

С капитанского мостика закричали в мегафон:

— Прекратите огонь!.. Сукины дети!.. Иду назад!

...Снова «Валенсия» стояла у пирса. По узенькому трапу на борт поднялась заплаченная Сашенька и сразу потерялась в гуще забивших палубу людей.

За ней пошли три солдата.

— Живей!.. Живей! — орали с парохода.

— Идите, батюшка,— нетерпеливо сказал Брусенцов. Священник виновато поглядел на него.

— Вы уж меня извините, господин офицер... Я, наверно, останусь... Мне, наверно, не годится уезжать...

— А!.. Добрый пастырь? — скривился Бруsenцов.— Ну и черт с тобой!..

Он потянул Абрека за повод и, пятаясь, стал подниматься по трапу.

Рев ярости и возмущения прокатился по палубе, когда пассажиры парохода поняли, что Бруsenцов собирается взять с собой и коня.

— Уймите его, господа!.. Не давайте безобразничать! — надрывался мегафон. Какой-то офицер со страшным рабьим лицом махал наганом и кричал, дергаясь от злобы:

— Ты что, белены объелся?.. Брось коня, тебе говорят! Не то сейчас мозги на волю выпущу!

Абрек упирался, не хотел идти навстречу крику.

Скрипнув зубами, поручик обернулся к пароходу, увидел десятки ненавидящих лиц и понял, что придется уступить. Нарочно медленно он огладил красивую шею Абрека, поцеловал белую отметину между ноздрями. Потом бросил уздечку и, не оглядываясь, пошел на пароход.

...Во второй раз «Валенсия» отваливала от причала. Стиснутый со всех сторон людьми Бруsenцов стоял у борта и смотрел на берег.

Он увидел священника, который остановился возле брата с сестрой, искающих свою маму. Все трое поговорили о чем-то и пошли дальше уже вместе.

Потом поручик поглядел на Абрека. Тот по-прежнему стоял на самом краю пирса, вытянув шею, и недоуменно, испуганно следил за пароходом, который увозил его хозяина.

И вдруг, найдя решение, конь тяжело прыгнул в воду. Он поплыл за пароходом, за белой струей, тянувшейся от винта.

Поручик долго смотрел на лошадиную морду, задранную над водой. Кругом плакали, ругались, молились — каждый о своем — чужие, ненужные люди.

С трудом двигая рукой — так тесно было в толпе,— Бруsenцов расстегнул кобуру, вытянул пистолет и сунул черное дуло в рот.

Выстрел прозвучал глухо.

Сашенька на другом конце палубы даже не услышала его.

СЕВАСТОПОЛЬ. 17 НОЯБРЯ 1920 ГОДА

Прямо на мостовой стояли накрытые столы. Их приткнули в торец друг другу, так что получился один общий стол, длинный, как товарный поезд.

Тут же, посреди улицы, шипело на противнях мясо, булькали, закипая, котлы. При них находились ошалелые от хлопот повара.

Это город Севастополь давал Красной Армии праздничный обед.

Базы и роты уже шли занимать места. Шли с разных концов улицы, из переулков, и каждый отряд со своей песней.

Так пусть же Красная  
Сжимает властно  
Свой штык мозолистой рукой.  
И все должны мы  
Неудержимо  
Идти в последний смертный бой!..

С другой стороны улицы слышалось:

Эй, комроты!  
Даешь пулеметы!  
Даешь батареи,  
Чтоб было веселее!

Печатая шаг, вышла из переулка рота огневой бригады.

Распустила Дуня косы,  
А за нею все матросы.  
Эх, Дуня, Дуня, Дуня-я,  
Дуня, ягодка моя!..

Около столов отряды встречал малорослый усатый командир. На боку у него была огромная, с окорок, кобура. Австрийский палаш на колесике катился за ним по мостовой, дребезжая, как таратайка. Командир был начхозом дивизии, и это была первая военная операция, которой он командовал.

— Третья рота! — кричал начхоз беспощадным голосом. — Напра-о!... Огневики! Кру-у-ом!.. Ваше место — левый фланг!

Рядом с ним стоял пожилой рабочий в зимнем ватном пиджаке, перепоясанный на-

ганом. Он счастливо улыбался и говорил каждому отряду:

— Кушайте, товарищи!.. Кушайте на здоровье... Севастопольский ревком угождает.

На окрестных балконах жители вывесили красные флаги, ковры — кто со страху, но большинство от радости.

В одном из домов этой улицы разместился штаб дивизии. У парадного стояли часовые; дожидались кого-то шарабаны и тачанки.

Высокую светлую комнату с лепным и разрисованным потолком загромоздили столами с телефонами, телеграфными аппаратами.

Завиваясь кольцами, стекала на пол узкая бумажная лента. Телеграфист читал с нее вслух, а два писаря записывали:

— «Боевые товарищи — красноармейцы, командиры, комиссары! Ценою ваших героических усилий, ценою дорогой крови рабочего и крестьянина взят Крым. Уничтожен последний оплот и надежда русских буржуа и их пособников — заграничных капиталистов...»

В дверях показался Калякин. Он огляделся, отыскивая знакомые лица, и не нашел ни одного. После перекопских боев комсостав обновился: прежние были кто убит, кто в госпитале.

Калякин вошел в комнату и сложил на пол свою ношу — кинокамеру «Пате», штатив, сундучок с пленкой. А телеграфист читал:

— «Честь и слава погибшим в борьбе за свободу, вечная слава творцам революции и освободителям трудового народа...»



Открылась дверь в глубине комнаты. Оттуда вышел, неся свернутую трубкой карту, начштаба 61-й. Калякин увидел знакомые седые усики, шагнул навстречу и сказал:

— Товарищ начштаба!..

Но тот остановил его строгим взглядом. Записывали важную депешу — нельзя было мешать.

— «Да здравствует доблестная Красная Армия, да здравствует конечная мировая победа коммунизма!.. — закончил диктовку телеграфист. — Приказ зачитать во всех ротах, командах, эскадронах и батареях... Командующий Южным фронтом Фрунзе».

Только теперь начштаба пожал руку Калякину.

— Здравствуйте, товарищ Калякин... Что у вас?

Калякин скривился, заморгал глазами.

— Вот... сдать хочу... Аппарат, съемки и все прочее...

— А где же Некрасов?

— Помер мой боевой дружок, — сказал Калякин тусклым голосом. — Помер в лазарете.

— Жаль, — нахмурился начштаба. — Очень жаль. — И еще раз добавил: — Очень жаль.

Калякин обрадовался его сочувствию и пониманию.

— Беззаветный был человек! — сказал он громко, чтобы слышали новые штабисты. — Преданный боец делу революции!.. — Он задумался, потом горестно и тихо добавил: — А вот мысли у него были глупые.

Постояв секунду, он повернулся уходить.

— Товарищ Калякин, — задержал его начштаба. — Сегодня подписан приказ. Вы назначены командиром второго отдельного батальона... Поздравляю.

— А чего поздравлять? — равнодушно сказал Калякин. — Война-то вся. Кончилась. И пошел к дверям.

...Гудели трубы, бухали барабаны военного оркестра. Музыканты играли для обедающих. Вдоль столов, за которыми ели бойцы, шел Калякин. К нему подскочил усатый начхоз.

— Опоздавший?.. С какой части? — азартно спросил он. — Ложка есть?

— Не хочу, — сказал Калякин и пошел дальше.

На столах были навалены горки белого хлеба, вкусный пар поднимался из мисок. Многие из тех, кто праздновал здесь победу, были в бинтах и окровавленных повязках. Их винтовки отдыхали, прислоненные к скамьям. За крайним столом сидел мальчик в драной шинели — полковой сын. Робко и жадно он ел баранину из глубокой тарелки. Этот мальчик первый раз в жизни ел жареную баранину, хотя ему было уже четырнадцать лет.

Приложение: КИНОКАДРЫ, СНЯТЫЕ ОПЕРАТОРОМ А. НЕКРАСОВЫМ. Госкиноархив

Поседевшие от старости, исцарапанные, побитые, запрыгали на экране торопливые кадры немого кино. И перед каждым мелькал на долю секунды написанный от руки номер.

Мы увидели:

...Начдива 61-й, который шел от двери своего штаба, кашляя в ладонь.

...Пушки, бьющие по Турецкому валу.

...Карякина на лошади, с шашкой в руке.

...Атаку Красной конницы — неудержимую лавину, несущуюся по степи.

...Самого Андрея, который со смущенной улыбкой глядел в объектив.

Последний кадр снимал Иван Карякин, а не оператор Некрасов, но в киноархиве этого не знают.

## ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм по сценарию Ю. Дунского и В. Фрида «Служили два товарища» поставлен на киноСтудии «Мосфильм» в 1968 году. Фильм черно-белый, широкоэкранный, 10 частей.

Режиссер-постановщик Е. Карелов, операторы М. Ардабьевский и В. Белокопытов, художники Л. Семенов и Б. Царев, композитор Е. Птичкин, звукооператор Р. Казарян.

Главные роли исполняют: Некрасов — Олег Янковский, Карякин — Ролан Быков, поручик Брусенцов — В. Высоцкий, Сашенька — И. Саввина, комполка — А. Папанов, комиссар — А. Демидова, полковник Васильчиков — Р. Янковский.

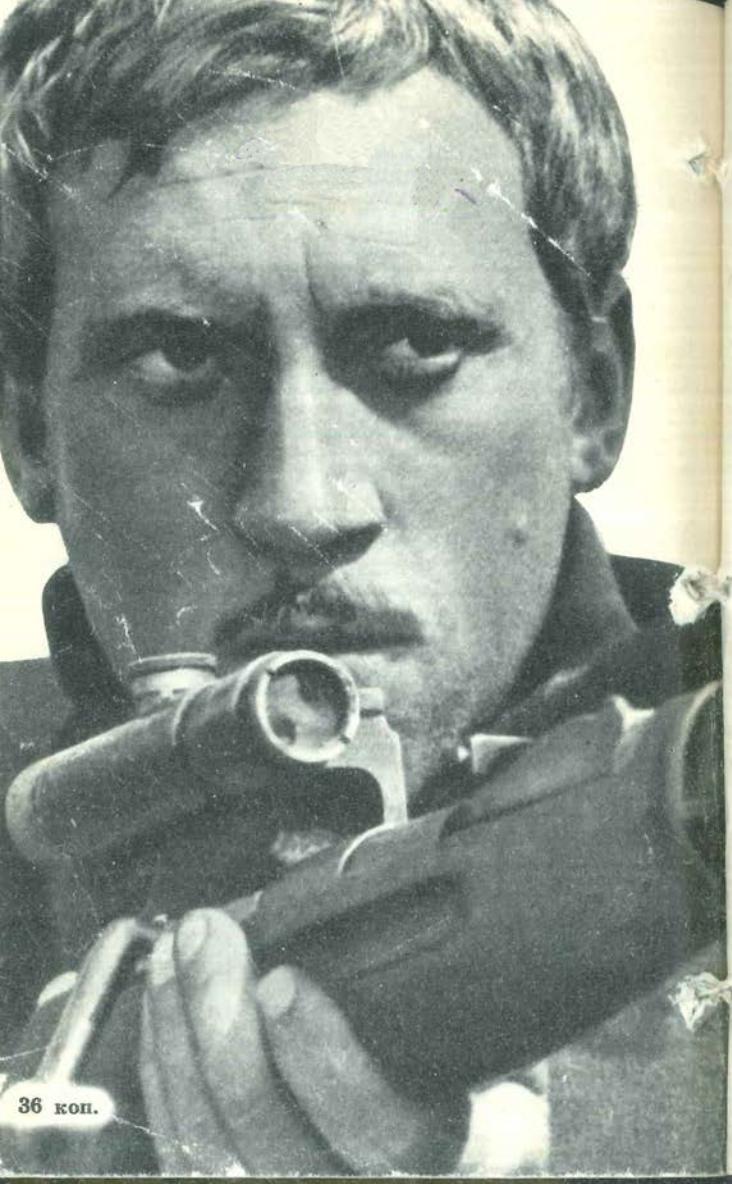
Фотографии работы Г. Байсоголова.

В. Фрида «Старая, старая сказка» (по мотивам Андерсена) поставлен на «Ленфильме».

Драматурги, как мы видим, пробовали свои силы в различных жанрах — от комедии до исторической хроники. Но даже в самых «серьезных» их работах всегда присутствует юмор. На вопрос, какое человеческое качество больше всего ценят они в своих героях, Дунский и Фрид отвечают — доброту.

Юлий Теодорович Дунский  
Валерий Семенович Фрид  
**«СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА»**

Редактор Л. И. Познанская.  
Оформление и художественная редакция Г. К. Александрова.  
Технический редактор Р. П. Бачек.  
Корректоры А. И. Басов и Г. Г. Харитонова.  
Сдано в набор 25/X 1968 г. Подп. к печ. 20/II 1968 г.  
A04000. Формат бумаги 70×90 $\frac{1}{2}$ . Бумага тифлоручная 100  
Усл. печ. л. 6.143. Уч.-изд. л. 6.871. Тираж 30 000 экз.  
№ 15826. Издательство «Искусство», Москва, К-51. Цветной бульвар, 25. Зак. № 1159. Калининский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Калинин, проспект Ленина, 5.  
Цена 36 коп.



36 коп.